## Начало объединительнаго движенія.

Какъ всѣ народы, разсѣянные по большимъ пространствамъ, греки поздно сознали свое племенное единство. У Гомера еще нѣтъ общаго имени для всей націи — нѣтъ, сообразно съ этимъ, и отрицательнаго признака греческаго національнаго чувства — обозначенія всѣхъ не-грековъ варварами. Но самое національное чувство уже проснулось. Въ то время, когда заканчивалась наша Иліада, Троянская война уже представлялась обще-греческимъ предпріятіемъ, и въ "Спискѣ кораблей" это представленіе получило видъ законченной системы. Грустно видѣть, что здѣсь, на порогѣ греческой исторіи, былъ въ поэтическихъ образахъ выставленъ идеалъ, такъ мало осуществленный дальнѣйшей исторіей.

Пробуждавшееся національное чувство получило внѣшнее выраженіе прежде всего въ религіозной области. Дельфы и Додона уже въ гомеровскія времена были святынями для всего народа; нѣсколько позже къ нимъ присоединяется Олимпія. Островъ Делосъ становится религіознымъ центромъ всего іоническаго племени по обѣ стороны Эгейскаго моря. Вокругъ одной изъ этихъ національныхъ святынь — вокругъ дельфійскаго храма — образовался первый постоянный союзъ греческихъ племенъ, вышедшій за предѣлы отдѣльной мѣстности.

---

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.

Приложеніе къ лекціямъ. Листъ I-ый. ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

Храмъ Деметры близъ Анѳелы, при входѣ въ Ѳермопильское ущелье, которое соединяетъ Ѳессалію съ южной Греціей, былъ съ давнихъ временъ религіознымъ центромъ для "окрестныхъ жителей", собиравшихся сюда для совмѣстныхъ жертвоприношеній.

Позже, когда большое значеніе получилъ храмъ Аполлона въ сосѣднихъ Дельфахъ, т.е. приблизительно съ VIII вѣка, онъ сдѣлался вторымъ средоточіемъ "союза окрестныхъ жителей" или, какъ его называли греки, — Амфиктіоніи. Съ этихъ поръ кругъ участниковъ сталъ все болѣе расширяться, пока въ него не вошла, наконецъ, вся Греція отъ Исѳма до Олимпа. Здѣсь мы находимъ фокейцевъ, къ области которыхъ принадлежали Дельфы, сосѣднихъ дорянъ и локровъ, далѣе всѣ племена Ѳессаліи, а рядомъ съ ѳессалійцами даже малійцевъ, эніановъ, долоповъ, фѳіотовъ, магнетовъ, перребовъ, наконецъ, эвбейцевъ и беотянъ. Каждый изъ этихъ народовъ имѣлъ въ совѣтѣ амфиктіоновъ два голоса; уполномоченные и ихъ помощники собирались два раза въ годъ — осенью и весною. Сначала въ Ѳермопилахъ, затѣмъ въ Дельфахъ совершали жертвоприношенія; потомъ приступали къ обсужденію общихъ дѣлъ, какъ напримѣръ, содержаніе храмовъ, завѣдываніе священными сокровищами, устройство священныхъ игръ, и проч. При исполненіи своихъ рѣшеній союзъ имѣлъ право, въ случаѣ надобности, требовать вооруженной помощи отъ своихъ членовъ. Въ политическіе вопросы Амфиктіонія не вмѣшивалась; участвовавшимъ въ ней государствамъ разрѣшалось воевать другъ съ другомъ, сколько имъ было угодно, но они были обязаны соблюдать

при этомъ извѣстныя международныя условія; такъ, ни одинъ изъ принадлежавшихъ къ союзу городовъ не имѣлъ права во время войны разрушить другой союзный городъ или отрѣзать его отъ воды.

Какъ ни былъ шатокъ этотъ союзъ, онъ все же долженъ былъ значительно поднять въ участникахъ чувство національнаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что именно подъ вліяніемъ дельфійской Амфиктіоніи стали обозначать именемъ "эллиновъ" весь греческій народъ, потому что первоначально Элладой называлась только область на югѣ Өессаліи, и въ такомъ значеніи это слово встрѣчается еще у Гомера. Только около середины УІІ вѣка Архилохъ и приблизительно въ то же время Гесіодъ употребляютъ слово "эллины", или, скорѣе, "панэллины", для обозначенія всей націи. Въ "спискахъ" Гесіода мы уже находимъ царя Эллина — героя-эпонима греческаго народа, и съ этихъ поръ имя "эллины" входитъ во всеобщее употребленіе.

Само собою разумѣется, что объединительное движеніе обнаружилось и въ политической области. Древнія областныя государства доисторическаго періода, утратившія уже всякое значеніе, стали складываться въ болѣе крупные союзы. Проще всего это дѣлалось такъ, что сосѣднія области вступали между собою въ союзъ для облегченія сношеній и для общей защиты въ случаѣ войны, причемъ каждое изъ участвовавшихъ государствъ сохраняло въ остальныхъ отношеніяхъ полную автономію; въ этихъ случаяхъ основой обыкновенно служили древніе религіозные союзы. Иногда происходило полное сліяніе — συνοικισμός, какъ говорили

греки, — причемъ часть жителей переселялась въ то селеніе, которое было избрано главнымъ городомъ новаго союзнаго государства. Наконецъ, часто болѣе сильная область покоряла сосѣднія, менѣе сильныя области и дѣлала ихъ жителей или своими подданными /періэки/, или крѣпостными. Конечно, и эти новыя государства были большею частью невелики, а тамъ, гдѣ основывались болѣе крупные политическіе союзы, какъ напримѣръ въ Ѳессаліи и Пелопоннесѣ, они представляли собою непрочное соединеніе самостоятельныхъ общинъ, безъ общей организаціи и безъ тѣсной внутренней связи.

Объединеніе областей нигдѣ не было проведено съ такимъ совершенствомъ, какъ въ Аттикѣ. Здѣсь тоже нѣкогда существовалъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ областныхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя продолжали существовать и въ позднѣйшее время, какъ религіозные союзы; таковъ напримѣръ, Тетраполисъ на мараѳонской равнинѣ, представлявшій союзъ четырехъ "городовъ" — вѣрнѣе, селъ: Мараѳона, Пробалинѳа, Трикориѳа и Эноя. Но здѣсь не было большихъ городскихъ центровъ; населеніе страны было разбросано болѣе чѣмъ по сотнѣ мѣстечекъ и деревень, и это обстоятельство должно было особенно облегчить сліяніе всѣхъ областей въ одно государство. Этому благопріятствовали и географическія условія, такъ какъ орошаемая Кефисомъ центральная равнина соединялась со всѣми остальными частями страны удобными путями сообщенія. Изъ этой центральной равнины и исходило объединеніе страны; средоточіемъ союзнаго государства стала крѣпость Аѳины,

расположенная на высокой скалѣ надъ долиной нижняго Кефиса. Какимъ образомъ произошло здѣсь сліяніе — мы не знаемъ, такъ какъ уже въ началѣ историческаго періода мы находимъ жителей всѣхъ областей страны объединенными на равныхъ правахъ въ союзномъ государствѣ. Праздникъ Синойкіи, который еще и въ историческую эпоху праздновался ежегодно въ серединѣ лѣта, поддерживалъ воспоминаніе о событіи, которому Аѳины больше всего были обязаны своимъ позднѣйшимъ величіемъ. Конечно, присоединеніе всей страны къ Аѳинамъ произошло не сразу; особенно Элевсинъ, благодаря своему обособленному положенію, повидимому долго оставался независимымъ, можетъ быть даже до VII вѣка, между тѣмъ какъ остальная Аттика еще въ VIII вѣкѣ вошла въ составъ аѳинскаго государства. Однако, еще во время Писистрата отдѣльныя области Аттики весьма энергично преслѣдуютъ свои мѣстные интересы; населеніе равнины въ окрестности Аѳинъ, Педіона, находится во враждебныхъ отношеніяхъ къ жителямъ Паралія, полуострова по ту сторону Гиметта, и къ діакрійцамъ, населяющимъ горную страну насупротивъ Эвбеи. Клисѳенъ своимъ новымъ подраздѣленіемъ государства стремился, главнымъ образомъ, именно уничтожилъ этотъ партикуляризмъ. Дѣйствительно, только его реформа и завершила объединеніе Аттики.

Сосѣдней Беотіи, кажется, еще болѣе, чѣмъ Аѳинамъ, самой природою предназначено было образовать единое политическое цѣлое. Но здѣсь уже рано возникъ цѣлый рядъ значительныхъ городскихъ центровъ; наряду съ знаменитыми Ѳивами эпосъ прославляетъ богатство минійскаго Орхомена,

и еще въ настоящее время на одномъ изъ острововъ Копаидскаго озера, у подошвы Птоона, возвышаются остатки стѣны, окружавшей широкимъ кольцомъ до-историческій городъ, котораго даже имя не дошло до насъ. Кажется, этотъ городъ былъ разрушенъ ѳиванцами; однако Ѳивы были недостаточно сильны, чтобы покорить и остальные сосѣдніе города — Танагру, Ѳеспію, Галіартъ. Такимъ образомъ, объединеніе Беотіи могло произойти только въ формѣ федеративнаго государства, развившагося постепенно изъ религіознаго союза, который съ незапамятныхъ временъ связывалъ города страны со святынями Аѳины Итноской при Коронеѣ и Посейдона при Онхестѣ у Копаидскаго озера. Дольше всего держался Орхоменъ, который еще въ гомеровскомъ Спискѣ кораблей не причисляется къ Беотіи и который даже въ позднѣйшее время постоянно обнаруживалъ сепаративныя наклонности. Во главѣ союза стояли Ѳивы, имѣвшія, какъ самый значительный городъ, двухъ представителей въ высшемъ исполнительномъ совѣтѣ — коллегіи беотарховъ, между тѣмъ какъ остальные города посылали туда по одному члену; вообще Ѳивы, благодаря своему фактическому превосходству, имѣли обыкновенно рѣшающее вліяніе на политику союза.

Такую же форму приняли и областные союзы остальныхъ племенъ Сѣверной Греціи, отъ Фокиды и Локриды вверхъ до Олимпа и Акрокеравнскаго мыса. Изъ этихъ государствъ въ древнѣйшее время пріобрѣлъ большое значеніе только ѳессалійскій союзъ. Обширная, окруженная со всѣхъ сторонъ горами равнина Пенея уже сама по себѣ должна была побу-

ждать жителей къ политическому объединенію; не меньшее значеніе имѣла потребность господствующей аристократіи въ помощи на случай возстанія крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, первоначально въ отдѣльныхъ частяхъ страны образовались болѣе крупные областные союзы; на востокѣ, между нижней частью Пенея и Пагасійскимъ заливомъ, — Пеласгіотида, "пеласгическій Аргосъ" Гомера — вокругъ Ларисы, Краннона и Феръ; на западѣ, по верхнему теченію Пенея — Гистіэотида вокругъ Трикки и Гомфъ; на югѣ, въ области Апидана и Енипея — Θессаліотида вокругъ Фарсала и Кіеріона. Эти три округа вступили затѣмъ въ союзъ между собою — врядъ ли ранѣе VII вѣка, потому что гомеровскій Списокъ кораблей еще не знаетъ единой Θессаліи. Позже къ нимъ присоединились на правахъ четвертаго союзника фθіотійскіе ахеяне. Во главѣ союза стоялъ высшій чиновникъ, выбираемый, кажется пожизненно, изъ господствующихъ аристократическихъ родовъ; ему принадлежало главное начальство на войнѣ.

Такимъ образомъ на сѣверѣ Греціи образовалось могущественное государство, близость котораго сильно давала себя чувствовать сосѣдямъ. Всѣ небольшіе горные народы въ окружности вынуждены были признать верховное владычество Θессаліи и обязались платить дань и выставлять войско во время войны: магнеты у Пеліона и Оссы, перребы у южнаго склона Олимпа и Камбунскихъ горъ, долопы по южному Пинду, маліійцы и эніаны у Эты. Θессалійцы обладали теперь большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ дельфійской Амфиктіоніи, и они воспользовались этимъ положеніемъ для

распространенія своего вліянія и къ югу отъ Ѳермопилъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дельфійская долина открывается къ морю, находился городъ Криса, достигшій цвѣтущаго состоянія благодаря плодородію прибрежной равнины, и еще болѣе — благодаря торговлѣ въ заливѣ, который получилъ свое имя отъ города. Выходцами изъ этого города были нѣкогда основаны Дельфы. Когда затѣмъ это священное мѣсто сдѣлалось предметомъ національнаго поклоненія, дѣло не могло обойтись безъ раздоровъ — тѣмъ болѣе, что Дельфы имѣли прочную опору въ Амфиктіоніи. Около начала VI вѣка двинулось на Крису ѳессалійское войско подъ начальствомъ Эврилоха, изъ рода Алевадовъ; въ этой "священной войнѣ" приняли участіе, по преданію, также Аѳины и тиранъ сикіонскій Клисѳенъ. Исходъ борьбы легко было предвидѣть. Послѣ продолжительнаго, по преданію десятилѣтняго сопротивленія, Криса была взята и разрушена, а область ея посвящена дельфійскому богу. Послѣ этого Амфиктіонія была преобразована; "іонійскія" Аѳины получили участіе въ эвбейскомъ голосѣ, пелопоннесскіе "доряне" — въ дорійскомъ; пиѳійскія игры пріобрѣли значеніе національнаго празднества.

Благодаря этимъ событіямъ, вся Фокида подпала подъ ѳессалійское владычество. Но при попыткѣ подчинить себѣ и Беотію, ѳессалійцы потерпѣли рѣшительное пораженіе въ большомъ сраженіи при Керессѣ въ ѳеспійской области. Съ этого времени могущество Ѳессаліи начинаетъ падать. Фокида вернула себѣ свою независимость и отстояла ее въ продолжительныхъ войнахъ съ могущественнымъ сосѣдомъ.

Особенно извѣстна побѣда, одержанная фокейцами надъ ѳессалійской конницей при Гіамполисѣ незадолго до Персидскихъ войнъ. Съ этихъ поръ Ѳермопилы образуютъ южную границу Ѳессаліи не только въ географическомъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Несчастіе Ѳессаліи заключалось въ томъ, что въ ней не было ни одного достаточно большого и сильнаго города, который могъ бы подчинить своему вліянію остальныя общины. Наиболѣе значительные города страны — Фарсалъ, Краннонъ, Лариса, Феры — были почти равны между собою. Поэтому союзъ, объединявшій Ѳессалію, былъ постоянно непроченъ, пока наконецъ центральная власть потеряла всякое значеніе и совсѣмъ перестали выбирать ταγός. Какъ политическія, такъ и соціальныя условія — владычество аристократіи и крѣпостное положеніе земледѣльческаго класса — препятствовали какому бы то ни было прогрессу страны. Ѳессалія никогда не дала ни одного выдающагося ученаго, поэта или художника; а до IУ вѣка мы даже вообще не знаемъ ни одного ѳессалійскаго писателя. Та изъ греческихъ областей, которая была наиболѣе щедро одарена природою, осталась мертвымъ членомъ въ организмѣ націи.

Инымъ путемъ пошла исторія сѣверной сосѣдки Ѳессаліи, горной Македоніи, орошаемой верхнимъ теченіемъ Галіакмона. Приблизительно въ первой половинѣ УII вѣка царь Пердикка изъ дома Аргадовъ повелъ свой народъ внизъ по теченію рѣки въ Піэрію у подошвы Олимпа, изгналъ ѳракійское населеніе страны и замѣнилъ его македонскими колонистами. Той же участи подверглись иллирійскіе эорды у

Бегорритскаго озера. Въ завоеванной области, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ плоскогорья спускается въ эмаѳійскую равнину и горныя воды, устремляясь въ долину, образуютъ великолѣпные водопады, Пердикка основалъ свою столицу Эги. Отсюда въ теченіе двухъ ближайшихъ вѣковъ были отняты у пеонянъ и ѳракійцевъ равнина по нижнему теченію Аксія и холмистая область Мигдонія по ту сторону рѣки, до границы халкидскихъ колоній. Здѣсь, при рѣкѣ Лудіѣ, въ безопасной, защищенной болотами мѣстности, македонскіе цари построили свою новую столицу Пеллу, тогда какъ Эги оставались мѣстомъ погребенія царской фамиліи и религіознымъ центромъ страны. Кромѣ того, здѣсь возникло много другихъ поселеній, изъ которыхъ наиболѣе значительными были Берoя, Міеза, Алоръ. Такъ греческая нація тихо и скромно пріобрѣла на сѣверѣ область, которая по величинѣ не уступала Ѳессаліи. Этой странѣ суждено было позже спасти Грецію отъ бѣдствій политическаго разъединенія.

Въ Пелопоннесѣ отдѣльные округа также соединялись въ большіе союзы. Микены потеряли теперь то руководящее положеніе, которое онѣ занимали въ до-историческій періодъ. Дѣйствительно, если положеніе древней горной крѣпости во времена всеобщихъ войнъ было очень благопріятно, то оно нисколько не соотвѣтствовало потребностямъ новаго времени съ его развитыми сношеніями. Вслѣдствіе этого Микены вскорѣ затмилъ городъ Аргосъ, расположенный вокругъ высокой крѣпости Лариса, вблизи морского берега, гдѣ дороги изъ внутренней части Пелопоннеса вступаютъ въ равнину.

Сосѣдніе мелкіе города скоро должны были подпасть подъ власть аргивянъ. Асина была разрушена, по преданію, еще въ VIII вѣкѣ. Навплія — около 600 года; Орнеи, Гисіи, Тиринеъ, Мидея и самыя Микены сдѣлались подчиненными періэкскими городами.

Къ югу Аргосъ распространилъ свое господство на Кинурію и, по преданію, даже на все западное побережье залива и островъ Киееру. Завѣдываніе знаменитымъ храмомъ Геры возлѣ Микенъ перешло къ Аргосу, который такимъ образомъ пріобрѣлъ сакральную гегемонію надъ всей страной. Въ первой половинѣ VI вѣка, въ царствованіе Фейдона, аргивянамъ, по преданію, удалось даже заставить Коринеъ, Эгину и сосѣдніе города также признать ихъ политическое господство; такимъ образомъ они возстановили царство Темена, на долю котораго, по преданію, выпала нѣкогда, при раздѣлѣ дорійскихъ завоеваній въ Пелопоннесѣ, вся Арголида.

Между тѣмъ на югѣ у Аргоса появился опасный соперникъ. Въ равнинѣ по среднему теченію Эврота, "глубоколежащемъ Лакедемонѣ" Гомера, Спарта, около середины VIII вѣка, по преданію — при царѣ Телеклѣ, покорила сосѣдніе Амиклы и Фарисъ. Скоро затѣмъ была завоевана и долина нижняго Эврота до самого моря, съ городами Геронтрами и Геломъ. Завоеванная область была раздѣлена на равныя части между побѣдителями; туземцы, обращенные въ крѣпостныхъ /гелотовъ/, должны были обрабатывать землю для своихъ новыхъ господъ. Послѣдніе, освобожденные такимъ образомъ отъ всякихъ заботъ о средствахъ пропитанія, получили возмож-

ность посвятить себя исключительно военному дѣлу. Все гражданское населеніе Спарты получило военную организацію и было подчинено строгой дисциплинѣ; даже мальчиковъ съ ранняго дѣтства готовили только къ этой цѣли. Такимъ образомъ, Спарта, благодаря своему постоянному войску, получила перевѣсъ надъ сосѣдями, которымъ каждый разъ приходилось собирать ополченіе. Нужно думать, что такая организація создана была по примѣру сосѣдняго родственнаго Крита, гдѣ подобное устройство существовало уже нѣсколько столѣтій, такъ какъ Спарта въ это время вообще находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Крита.

Ближайшимъ послѣдствіемъ покоренія долины нижняго Эврота было признаніе господства Спарты небольшими городами полуостровов Малеи и Тенарона. Они уступили ей часть своихъ владѣній, выставляли во время войны свой отрядъ, подчинялись спартанскимъ судамъ, получали спартанскихъ намѣстниковъ /гармостовъ/ и, въ случаѣ надобности, допускали къ себѣ спартанскіе гарнизоны. Въ остальномъ эти общины періэковъ, какъ ихъ называли, сами вѣдали свои дѣла и, повидимому, спартанское господство не было очень тягостнымъ, такъ какъ періэки, за немногими исключеніями, оставались вѣрны Спартѣ во всѣхъ кризисахъ вплоть до македонскаго періода.

Скоро долина Эврота оказалась тѣсной для спартанцевъ, и ихъ стала привлекать богатая мессенская равнина по ту сторону Тайгета. Подъ конецъ VIII вѣка царь Ѳеопомпъ перешелъ черезъ горы и послѣ борьбы, продолжавшейся, по

преданію, 20 лѣтъ, покорилъ Мессенію. Здѣсь также земля была раздѣлена между побѣдителями, а жители обращены въ крѣпостныхъ, которые обязаны были отдавать своимъ господамъ половину дохода съ полей. Но мессеняне не могли забыть свою прежнюю свободу, и когда во второй половинѣ УII вѣка Спарта была ослаблена внутренними смутами, они возстали противъ своихъ поработителей, поддерживаемые Панталеономъ, царемъ Писы, и Аристократомъ, царемъ Охромена въ Аркадіи. Въ началѣ союзники одержали нѣсколько побѣдъ, и еще долго потомъ воспѣвались геройскіе подвиги мессенскаго полководца Аристомена. Но всякая храбрость оказывалась безсильной противъ спартанской дисциплины; въ сраженіи у "Большого рва" побѣда осталась за спартанцами; наконецъ былъ взятъ и послѣдній оплотъ возставшихъ, крѣпкая Эира. Мессенія снова была порабощена, и спартанцы спокойно владѣли ею до самыхъ Персидскихъ войнъ.

Побѣдоносная Спарта стала теперь распространять свое господство и по направленію къ сѣверу. Первые шаги къ этому сдѣланы были, вѣроятно, еще до возстанія мессенянъ, по крайней мѣрѣ область у верхняго теченія Эврота и Энуса — Скиритиду — спартанцы должны были покорить раньше, чѣмъ они могли двинуться на Тегею. Однако храбрые жители горной Аркадіи оказали имъ сильное сопротивленіе, тѣмъ болѣе успѣшное, что и здѣсь отдѣльные округа начали сливаться въ одинъ крупный союзъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала, повидимому, Орхомену, царь котораго Аристократъ, какъ мы видѣли, поддержалъ возстаніе мес-

сенянъ и вѣроятно завоевалъ часть южной Аркадіи; сынъ его Аристодамъ, по преданію, въ дѣлѣ упроченія своего могущества слѣдовалъ его примѣру. Монеты съ Аркадской надписью, которыя чеканились приблизительноосъ середины УI вѣка до времени Пелопоннесской войны, указываютъ на продолжительное существованіе этого союза. Къ нему принадлежала, вѣроятно, и Тегея; во всякомъ случаѣ, сосѣди не могли оставаться безучастными свидѣтелями нападенія спартанцевъ на этотъ городъ. Такимъ образомъ, спартанцы подъ предводительствомъ своихъ царей Леона и Агасикла /около 580-550 г./ потерпѣли тяжелое пораженіе, которое на время пріостановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи.

Около этого же времени аргосскій царь Фейдонъ сдѣлалъ попытку доставить своему городу руководящее положеніе въ Пелопоннесѣ, на которое Аргосъ по гомеровской традиціи имѣлъ право. Онъ совершилъ походъ черезъ весь полуостровъ в Олимпію и отнялъ у элеянъ завѣдываніе національнымъ праздникомъ, незадолго передъ тѣмъ захваченное ими. Однико, этотъ успѣхъ былъ непроченъ. По преданію, Фейдонъ погибъ во время одного возстанія въ Коринеѣ, а при его сынѣ Локадѣ могущество Аргоса начало падать. Коринеъ и сосѣдніе города вернули себѣ независимость и нашли опору въ Спартѣ, которая теперь начала наступательную войну противъ Аргоса. Киеера и восточное побережье Лаконіи вверхъ до Өиреи были завоеваны, а попытка аргивянъ вернуть себѣ потерянныя области окончилась кровавымъ пораженіемъ ихъ около 540 г.

Между тѣмъ элеяне покорили Писатиду, свергли ея ди-

настію и низвели города страны на степень подчиненныхъ періэкскихъ общинъ. Подобная же участь постигла жителей горной страны, пограничной съ Аркадіей, — такъ называемой Акроріи, а можетъ быть и часть трифилійскихъ городовъ къ югу отъ Алфея. Послѣ этого никто уже не оспаривалъ у Элиды права завѣдыванія олимпійскимъ празднествомъ. По преданію, Спарта помогала элеянамъ во время этихъ войнъ; во всякомъ случаѣ, съ этой поры Элида находится въ союзѣ со Спартой.

Въ Аркадіи около этого времени свергнута была орхоменская династія; затѣмъ сначала Тегея, а вскорѣ и Мантинея, Охроменъ и вообще восточная и южная части страны должны были признать спартанское господство и обязаться выставлять войско во время войны. За исключеніемъ Аргоса и горныхъ округовъ Ахеи и сѣверной Аркадіи, весь Пелопоннесъ находился теперь въ зависимости отъ Спарты. Собственно спартанская область занимала болѣе трети полуострава, свыше 8000 кв.килом.; почти такую же площадь составляли владѣнія союзныхъ государствъ. Такимъ образомъ, къ концу УІ вѣка Спарта является первымъ по могуществу государствомъ Греціи, и ей, главнымъ образомъ, нація была обязана сохраненіемъ своей независимости, когда скоро затѣмъ начались Персидскія войны.

Въ то время какъ областныя государства греческаго материка, исключая немногихъ, сливались въ большіе государственные союзы, — острова принимали въ этомъ движеніи только слабое участіе. Правда, на Критѣ болѣе значительные города, Гортина и Кносъ, подчинили своему вліянію

слабыя сосѣднія общины, однако, до объединенія всего острова дѣло никогда не доходило; не было внѣшняго врага, который угрожалъ бы независимости Крита. Изъ Цикладскихъ острововъ тоже ни одинъ не былъ достаточно силенъ, чтобы подчинить остальные своему политическому вліянію. Андросъ, Теносъ и Кеосъ, по преданію, находились нѣкоторое время въ зависимости отъ Эретріи; впослѣдствіи, съ середины УI вѣка, здѣсь все болѣе стало преобладать вліяніе Аѳинъ. На Эвбеѣ объединенію мѣшало соперничество равныхъ по могуществу торговыхъ городовъ Халкиды и Эретріи. Плодородная лелантская равнина, простирающаяся отъ Эврипа до подошвы Дирфиса, постоянно служила яблокомъ раздора между обѣими сосѣдними общинами; и однажды, около 600 года, такой пограничный споръ принялъ характеръ настоящей войны, въ которую, благодаря развитымъ торговымъ сношеніямъ обоихъ городовъ, вовлечена была большая часть Грецім. Жителямъ Эретріи пришли на помощь милетцы; на сторонѣ халкидянъ стояли старые соперники Милета, самосцы, затѣмъ ѳессалійцы; въ войнѣ приняли участіе и коринѳяне подъ начальствомъ ихъ тирана Періандра. По преданію, исходъ войны былъ рѣшенъ ѳессалійской конницей; памятникъ ея предводителю, Клеомаху изъ Фарсала, павшему въ бою, стоялъ еще въ позднѣйшее время на площади въ Халкидѣ. Съ этихъ поръ лелантская равнина оставалась во владѣніи халкидянъ.

Колоніи по ту сторону моря въ это время также, вѣроятно, еще не начинали складываться въ большія государства. Находясь на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ

друга, эти города имѣли достаточно простора, чтобы расширяться на счетъ сосѣднихъ варваровъ и на захваченныхъ такимъ образомъ земляхъ въ свою очередь основывать поселенія, которыя въ политическомъ отношеніи обыкновенно сохраняли связь съ метрополіей. Такъ, Акры и Касмены всегда оставались въ зависимости отъ Сиракузъ; тщетно пыталась Камарина около 550 года, съ помощью сицилійцевъ и другихъ союзниковъ, освободиться отъ зависимости. Сибарисъ передъ разрушеніемъ его кротонцами /около 510 г./, имѣлъ подъ своей властью, по преданію, свыше 25 городовъ и 4 туземныхъ италійскихъ племени; однако монеты его колоній Лаоса и Посейдоніи указываютъ на то, что эти общины уже въ VI вѣкѣ были самостоятельны и, самое большое, находились въ союзѣ со своей метрополіей.

Въ Малой Азіи Митилена, хотя и сохранила до Персидскихъ войнъ, а отчасти даже до Пелопоннесской войны, господство надъ своими колоніями въ южной Троадѣ и у Геллеспонта, не съумѣла подчинить своему владычеству мелкіе города на самомъ Лесбосѣ. Жители Колофона рано, можетъ быть еще въ VIII вѣкѣ, завоевали эолійскую Смирну и такимъ образомъ распространили свое господство отъ одного моря до другого, отъ Каистрскаго до Гермейскаго залива. Самосцы въ VII вѣкѣ заселили Аморгъ и завладѣли лежащимъ насупротивъ ихъ острова мысомъ Микале, что во-

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.
Приложеніе къ лекціямъ. Листъ 2-ой.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

влекло ихъ въ продолжительный споръ съ Пріэной, имѣвшей притязанія на эту область.

Прочіе города мало-азіатскаго побережія оставались въ этомъ періодѣ независимыми другъ отъ друга. Религіозный союзъ, съ давнихъ временъ объединявшій города Іоніи вокругъ храма геликонскаго Посейдона на мысѣ Микале, никогда не былъ преобразованъ въ политическій. Даже подъ давленіемъ внѣшней опасности — сначала со стороны мидійскихъ царей, а позже со стороны персидской монархіи — іонійскіе города не рѣшались пожертвовать своимъ суверенитетомъ; предложеніе, сдѣланное во времена Кира Ѳалесомъ милетскимъ, — соединить всю Іонію въ одно государство съ главнымъ городомъ Теосомъ, не имѣло никакого успѣха. Вотъ почему, какъ только внутри полуострова сложилось болѣе значительное государство, греческіе прибрежные города подпали подъ чужое владычество.

Объединеніе Малой Азіи исходило изъ плодородной долины Герма — самой обширной плоскости въ западной части страны. Она рано сдѣлалась средоточіемъ сравнительно высокой культуры, о которой еще въ настоящее время свидѣтельствуютъ высѣченныя въ скалахъ Сипила рельефы съ гіероглифическими надписями, статуя Кибелы около Магнесіи и такъ назыв. Сезострисъ около Смирны. Но около того времени, когда греки упрочили свое владычество въ восточной части Эгейскаго моря, въ этой области еще не могло существовать болѣе или менѣе значительнаго государства; иначе чуждымъ поселенцамъ не удалось бы распространиться по всему іонійскому побережью. Еще въ эпосѣ

меоняне, какъ называются у Гомера жители долины Герма, ничѣмъ не стоятъ выше остальныхъ народностей Малой Азіи. Кажется, поэтому, что царямъ Сардъ удалось подчинить своей власти всю націю не ранѣе VIII вѣка, и можетъ быть именно этимъ объясняется то обстоятельство, что отнынѣ имя "лидяне" вытѣсняетъ древнее имя меонянъ.

Около начала VII вѣка, при царѣ Гигесѣ изъ династіи Мермнадовъ, Лидія выступаетъ на историческую сцену. Государство должно было тогда обнимать, кромѣ долины Герма, по крайней мѣрѣ еще долину Меандра; оно было достаточно сильно, чтобы стремиться къ обладанію морскимъ побережьемъ. Однако вначалѣ эти попытки оказались безуспѣшными; отъ Милета Гигесъ былъ отбитъ, а жители Смирны даже вторглись въ Гермосскую долину и здѣсь побѣдоносно сражались съ лидійскою конницей. Зато Гигесу удалось распространить свое владычество на Троаду и южное побережье Пропонтиды, гдѣ онъ, повидимому, основалъ Даскилею, которая оставалась столицею геллеспонтской страны вплоть до паденія персидскаго царства.

Въ это время явился у грековъ и лидянъ общій врагъ въ лицѣ дикихъ киммерійцевъ, пришедшихъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря, гдѣ Крымъ и до сихъ поръ сохранилъ свое имя. Вмѣстѣ съ ними пришли и треряне, которые были вѣроятно ѳракійскаго происхожденія. Фригійское царство пало подъ ихъ натискомъ; около 675 г. они воевали въ Каппадокіи противъ Ассаргаддона, царя Ассиріи. Въ виду этой опасности Гигесъ обратился за помощью къ Ассурбанипалу, который въ 668 г. смѣнилъ своего отца, Ассаргаддо-

на, на ассирійскомъ престолѣ. Сначала онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но скоро счастье измѣнило ему; Гигесъ потерялъ сраженіе и жизнь, Сарды были взяты, и только кремль, благодаря своему положенію на крутомъ холмѣ, съумѣлъ отстоять себя. Послѣ этого киммерійцы двинулись къ іонійскому берегу; храмъ Артемиды около Эфеса, главное святилище Малой Азіи, былъ сожженъ; богатая Магнесія на Меандрѣ стала добычей варваровъ.

Однако гроза прошла мимо; киммерійцы ушли, и сынъ Гигеса Ардисъ возстановилъ лидійское царство. Онъ покорилъ также безъ большого труда Фригію, въ которой нашествіе киммерійцевъ разрушило весь государственный строй. Теперь Ардисъ возобновилъ противъ греческихъ городовъ наступательную политику своего отца, однако не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ послѣдній. Если онъ и покорилъ Пріэну, то сильный Милетъ отражалъ всѣ нападенія какъ самаго Ардиса, такъ и его преемниковъ Садіатта и Аліатта, который наконецъ долженъ былъ признать независимость города. Зато Алліату удалось завоевать колофонскую колонію Смирну; городъ былъ разрушенъ, и съ тѣхъ поръ его мѣсто оставалось пустыннымъ въ продолженіе двухъ столѣтій. Аліаттъ воевалъ также и на сѣверѣ и на востокѣ; онъ покорилъ Виѳинію, изгналъ изъ Малой Азіи остатки киммерійцевъ и проникъ по ту сторону Галиса въ Каппадокію. Здѣсь онъ столкнулся съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ, который не задолго передъ тѣмъ разрушилъ ассирійское царство и теперь, какъ преемникъ правъ ассирійскихъ царей, считалъ себя законнымъ владѣльцемъ Каппадокіи. Началась война,

продолжавшаяся, по преданію, шесть лѣтъ и окончившаяся договоромъ, по которому впредь границей между Мидіей и Лидіей должна была служить рѣка Галисъ /585/.

Лидійское царство обнимало теперь всю западную часть Малой Азіи за исключеніемъ горныхъ областей на югѣ и большинства греческихъ приморскихъ городовъ. Первыя не имѣли большого значенія; тѣмъ настойчивѣе требовали интересы государства покоренія эгейскаго побережья. При политической разрозненности Іоніи, это легко удалось сдѣлать Крезу, который около 560 г. наслѣдовалъ своему отцу Алліату. Греческія общины, одна за другой, должны были признать лидійское господство; одинъ только Милетъ и теперь отстоялъ свою независимость.

Но въ то время какъ Лидія подчиняла себѣ греческіе города, она сама все болѣе поддавалась вліянію греческой культуры. Уже во времена Геродота лидяне почти совершенно переняли греческіе нравы. Какъ рано проникъ въ Лидію греческій языкъ, видно изъ того, что тамъ не было найдено почти никакихъ литературныхъ памятниковъ на мѣстномъ языкѣ. Уже въ У вѣкѣ лидянинъ Ксанѳъ, первый въ длинномъ ряду греческихъ писателей варварскаго происхожденія, написалъ исторію своей страны на греческомъ языкѣ. Царь Алліатъ, кромѣ своей карійской супруги, имѣлъ еще жену-іонянку, сынъ которой, Панталеонъ, едва даже не наслѣдовалъ своему отцу вмѣсто Креза. Греческіе боги не имѣли болѣе усердныхъ поклонниковъ, чѣмъ лидійскихъ царей; уже Гигесъ посвятилъ дельфійскому храму драгоцѣнные подарки, а расточительная щедрость, которую обнаруживалъ Крезъ.

не только по отношенію къ дельфійскому храму, но и по отношенію къ храмамъ Артемиды въ Эфесѣ и Аполлона въ Бранхидахъ близъ Милета.

Однако лидійскому царству не долго суждено было процвѣтать. Только что Крезъ покорилъ морское побережье и принялся за постройку флота, чтобы подчинить своей власти и сосѣдніе острова, какъ въ центрѣ Азіи наступили событія, заставившія его обратить свои взоры на востокъ. Около 550 г. лидійское царство пало подъ натискомъ персидскаго царя Кира, и Крезъ рѣшилъ воспользоваться этимъ моментомъ для осуществленія плановъ своего отца Аліатта, которому помѣшалъ привести ихъ въ исполненіе мидіецъ Кіаксаръ. Перейдя р.Галисъ, онъ вторгся въ мидійскую Каппадокію. Но послѣ нѣсколькихъ удачъ въ началѣ, онъ былъ вынужденъ отступить передъ болѣе сильной арміей Кира назадъ въ Лидію; преслѣдуемый непріятелемъ, Крезъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ стѣнами своей столицы въ долинѣ Герма. Послѣ непродолжительной осады Сарды были взяты штурмомъ, и самъ царь попалъ въ руки побѣдителя /546/. Лидійское царство прекратило свое существованіе; сопротивленіе, которое еще оказывали іонійскіе города, съ самаго начала не обѣщало успѣха и вскорѣ было сломлено полководцемъ Кира, Гарпагомъ. Часть жителей Фокеи и Теоса покинула родину и отправилась искать новыхъ мѣстъ для поселенія по ту сторону моря; остальные греки покорились персидскому владычеству, которое едва ли было болѣе тягостно, чѣмъ прежде владычество лидянъ. Ликійцы, которые до тѣхъ поръ сохраняли независимость,

тоже должны были подчиниться, — и Киръ владѣлъ теперь всей Малой Азіей. Завоеванная страна была раздѣлена на двѣ сатрапіи съ главными городами Сардами и Даскилеемъ.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, занятый другими, болѣе важными задачами, Киръ не имѣлъ времени думать о государствахъ, лежащихъ у Средиземнаго моря. Его сынъ Камбизъ обратилъ свое оружіе противъ Египта, царь котораго Амазисъ незадолго предъ тѣмъ умеръ, оставивъ престолъ своему молодому сыну Псамметиху. При Пелусіѣ, близъ устья восточнаго рукава Нила, произошло сраженіе между греческими наемниками и персами: здѣсь оба народа впервые помѣрялись силою въ открытомъ полѣ /525/. Побѣда осталась за Камбизомъ, и участь Египта была рѣшена; главный городъ Мемфисъ палъ послѣ продолжительной осады, царь былъ взятъ въ плѣнъ. Нильская долина стала персидскою сатрапіей. Сосѣдняя Кирена добровольно подчинилась персидскому господству; города на Кипрѣ уже въ началѣ войны перешли на сторону Персіи.

Такимъ образомъ, нѣсколько болѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, добрая треть греческой націи подпала подъ персидское владычество. Можно было предвидѣть, что персы не остановятся на этомъ; если не жажда завоеваній, то уже самая сила обстоятельствъ должна была толкать ихъ впередъ по пути, на который они вступили, потому что въ области Эгейскаго моря нѣтъ ни одной естественной границы.

---

## Господство аристократіи и его паденіе.

Въ то время, какъ въ греческомъ народѣ вырабатывалось сознаніе его національнаго единства и отдѣльныя области, по крайней мѣрѣ на самомъ полуостровѣ, соединялись въ политическіе союзы, не менѣе глубокимъ измѣненіямъ подвергалось и внутреннее устройство большинства государствъ. Уже въ гомеровскую эпоху аристократія все болѣе расширяла свое вліяніе въ ущербъ царской власти, и уже авторы Иліады и Одиссеи считаютъ нужнымъ защищать монархію — притомъ монархію законную — противъ подобныхъ захватовъ:

Не хорошо многовластье. Единый да будетъ властитель,
Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ
Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобъ царилъ онъ надъ нами.

Однако, если даже въ этихъ словахъ выразились чувства большей части греческаго народа, это большинство еще не могло оказывать дѣятельнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Народъ еще не игралъ никакой роли; политически имѣла значеніе только знать, т.е. крупные землевладѣльцы. Одиссея изображаетъ намъ феакійскій народъ преданнымъ царскому дому; но никто не рѣшается возстать противъ поведенія жениховъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ государства. По отношенію къ этой аристократіи царь былъ только первымъ между равными; при небольшихъ размѣрахъ греческихъ государствъ, положеніе царя должно было быть здѣсь, разумѣется, совершенно инымъ, чѣмъ въ восточныхъ монархіяхъ, или чѣмъ въ позднѣйшее, эллинистиче-

ское время. Пока продолжались постоянныя распри между сосѣдними государствами, аристократія подчинялась царю; но по мѣрѣ того, какъ эти распри становились рѣже, подчиненіе царской власти казалось болѣе ненужнымъ. При такихъ условіяхъ царь могъ сохранять свое прежнее значеніе только въ томъ случаѣ, если обладалъ выдающимися личными качествами, а это конечно не всегда случалось. У Гомера среди народнаго собранія царю бросаютъ въ лицо такія слова, — и нѣтъ сомнѣнія, что эта картина взята изъ дѣйствительности:

Пьяница грузный! По виду собака, олень по отвагѣ!
Ты никогда не дерзалъ въ своемъ сердцѣ ни въ бой, ополчившись,
Вмѣстѣ съ народомъ идти, ни спрятаться въ тайной засадѣ
Вмѣстѣ съ вождями Ахейцевъ,— тебѣ это смертью казалось.
Царь — пожиратель народа, надъ трусами царствовать годный!
Ибо иначе, Атридъ, ты бъ впослѣдніе нынче былъ дерзокъ.

Такимъ образомъ, уничтоженіе царской власти было только вопросомъ времени.

Какъ и естественно, республиканское движеніе началось въ тѣхъ частяхъ греческаго міра, которыя достигли наиболѣе высокаго экономическаго развитія. Въ мало-азіатскихъ колоніяхъ царская власть была уничтожена въ теченіе VII вѣка, а отчасти, можетъ быть, уже въ VIII в. Приблизительно въ это же время монархія была отмѣнена въ Аттикѣ и въ городахъ на Исемѣ и, вѣроятно, также въ Беотіи и на

Эвбеѣ. Что касается сицилійскихъ и италійскихъ колоній, то здѣсь, исключая легендарнаго царя Сиракузъ, мы находимъ царскую власть только въ лакедемонской колоніи Тарентѣ, гдѣ она удержалась до начала У вѣка. На Критѣ также существовала царская власть, по крайней мѣрѣ до конца УII вѣка; точно также и на сосѣднемъ островѣ Ѳерѣ въ это время, повидимому, еще держался монархическій образъ правленія, такъ какъ основанная около 630 года выходцами съ этого острова Кирена управлялась царями до середины У в. Въ земледѣльческихъ областяхъ Пелопоннеса, какъ напр., въ Аркадіи и Писатидѣ, царская власть удержалась до конца УII или начала УI вѣка, а въ Аргосѣ монархія пала только въ эпоху Персидскихъ войнъ. Въ Спартѣ уже въ УIII вѣкѣ, или еще раньше, состоялось соглашеніе между аристократіей и царской властью; рядомъ съ древней династіей Агіадовъ, во главѣ города поставленъ былъ на равныхъ съ ней правахъ родъ Эврипонтидовъ, такъ что главы обѣихъ фамилій одновременно носили царское званіе. Неизбѣжное соперничество между обѣими династіями служило гарантіей противъ превышеній власти, и это обстоятельство было одной изъ главныхъ причинъ того, что царская власть удержалась здѣсь въ своей двойственной формѣ до конца III вѣка. Въ отдаленныхъ и сильно отставшихъ въ культурномъ отношеніи частяхъ греческаго міра древняя наслѣдственная монархія также отчасти сохранилась до поздняго времени; такъ напр., у агреийцевъ въ Этоліи, у молоссовъ и аѳамановъ въ Эпирѣ, въ Македоніи и въ городахъ на Кипрѣ.

Сколько можно судить, первыя попытки не были направлены противъ царской власти, какъ таковой, а имѣли цѣлью только замѣщеніе существующей династіи другою. Въ такомъ смыслѣ Одиссея представляетъ отношеніе жениховъ къ Телемаку; и то же самое, какъ мы видѣли, произошло, вѣроятно, въ Спартѣ. Если такая попытка удавалась, то она наносила тяжелый ударъ существованію монархіи, потому что новая династія была лишена той крѣпкой опоры, какую представляетъ только законное престолонаслѣдіе. Въ большинствѣ случаевъ, однако, упраздненіе царской власти достигалось не путемъ революціи, а посредствомъ мирныхъ реформъ. Начиналось съ того, что въ помощь царямъ давали выборныхъ чиновниковъ; ближайшимъ поводомъ къ этому служило расширеніе государственныхъ функцій, обусловленное въ VII, а отчасти, можетъ быть, уже въ VIII вѣкѣ экономическимъ прогрессомъ націи. Такъ, въ Спартѣ была учреждена должность эфоровъ, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы помогать царямъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ; въ Аѳинахъ учреждены были, для замѣщенія царя въ гражданскомъ управленіи, должность "архонта", а въ начальствованіи на войнѣ — должность "военачальника". Власть царя въ уголовномъ судопроизводствѣ также все болѣе ограничивалась "совѣтомъ старѣйшинъ". Уже въ сценѣ суда, изображенной на щитѣ Ахиллеса у Гомера, рѣчь идетъ только о геронтахъ; въ Спартѣ уголовное судопроизводство также находилось въ рукахъ герусіи, и

хотя цари принимали участіе и пользовались правомъ голоса въ этой коллегіи, однако ихъ компетенція ни въ какомъ отношеніи не была выше компетенціи всякаго другого члена. Въ Аѳинахъ коллегія эфетовъ вѣроятно уже рано забрала въ свои руки уголовное судопроизводство, предоставивъ царю только предсѣдательство, которое и впослѣдствіи принадлежало выборнымъ царямъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ государствъ дѣятельность царя была постепенно сведена къ исполненію связанныхъ съ его саномъ жреческихъ обязанностей, пока наконецъ и послѣднія не были возложены на выборныхъ должностныхъ лицъ. Тамъ, гдѣ царскій родъ численностью и богатствомъ превосходилъ всѣ остальныя аристократическія фамиліи, управленіе государствомъ переходило ко всему этому роду, такимъ образомъ, что всѣ должности замѣщались членами его. Такъ Бакхіады даже послѣ упраздненія царской власти правили Коринѳомъ, Пенѳелиды – Метиленой, Басилеиды – Эфесомъ, Алевады – многими городами Ѳессаліи; еще во времена Пелопоннесской войны существовалъ подобный образъ правленія у хаснянъ въ Эпирѣ. Но въ громадномъ большинствѣ греческихъ государствъ царскимъ фамиліямъ не удалось удержать въ своихъ рукахъ власть; здѣсь монархія была упразднена въ интересахъ всего сословія благородныхъ.

Въ остальномъ прежнее государственное устройство съ упраздненіемъ царской власти не потерпѣло существенныхъ измѣненій. Совѣтъ продолжалъ существовать, но его значеніе должно было возрасти, такъ какъ онъ имѣлъ теперь дѣло не съ царемъ, правящимъ по праву наслѣдія и пожиз-

ненно, а съ должностными лицами, избираемыми на опредѣленный срокъ — обыкновенно на годъ — и обязанными отдавать отчетъ въ своей дѣятельности. Раздѣленіе обязанностей, которому было положено начало еще во время царей и которое теперь продолжалось, также должно было содѣйствовать ослабленію власти должностныхъ лицъ. Вскорѣ затѣмъ стали замѣнять отдѣльныхъ должностныхъ лицъ коллегіями, коковы напр. пять эфоровъ въ Спартѣ, или назначать такія коллегіи имъ въ помощь. Такъ, въ Аѳинахъ, на ряду съ архонтомъ, полемархомъ и замѣнившимъ наслѣдственнаго царя выборнымъ царемъ, учреждена была для судопроизводства коллегія изъ шести ѳесмоѳетовъ. Въ союзныхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Беотіи, высшее правительственное учрежденіе составлялось, естественно, изъ извѣстнаго числа равноправныхъ членовъ, избираемыхъ отдѣльными государствами.

Но общій характеръ государственнаго устройства былъ теперь совершенно иной, чѣмъ въ царскій періодъ. Царь въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ былъ оказывать всѣмъ частямъ населенія одинаковое покровительство; какъ разъ постоянно-возраставшее могущество знати побуждало царей искать поддержки у простого народа. Сословіе, достигшее господства въ государствѣ, рѣдко заботится о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ своей временной выгоды; и греческая аристократія того времени, "добрые" и "славные" господа, какъ они себя называли, не составляла исключенія изъ этого правила. Уже въ послѣднія времена царскаго періода значеніе народнаго собранія было довольно

ничтожно; теперь вѣче окончательно потеряло свое вліяніе. Жреческія должности и соединенные съ ними крупные доходы были монополизированы аристократіей и сдѣлались наслѣдственными въ знатныхъ фамиліяхъ; точно также знать забрала въ свои руки и судопроизводство, потому что только господствующій классъ зналъ обычное право. При этомъ судьи безсовѣстно нарушали право въ интересахъ своего сословія, и подкупы были въ порядкѣ вещей. Басня о соловьѣ и ястребѣ, которую Гесіодъ примѣняетъ къ отношеніямъ между народомъ и знатью, вѣрно рисуетъ дѣйствительность. Мы видѣли выше, какъ безпощадно пользовались благородные своимъ экономическимъ превосходствомъ для угнетенія бѣднаго класса, какъ имъ удалось въ Ѳессаліи низвести земледѣльческое населеніе на степень крѣпостныхъ, и какъ Аттика передъ реформами Солона была недалека отъ того, чтобы впасть въ подобное же состояніе.

Прошедшее обыкновенно представляется намъ въ лучшемъ свѣтѣ; не удивительно поэтому, что греческій народъ оглядывался на періодъ царской власти, какъ на золотое время, которое теперь смѣнилъ желѣзный вѣкъ. Если духъ гомеровскаго эпоса въ IX и VIII вѣкахъ былъ рѣшительно монархическій, то эпосъ Гезіода въ VII вѣкѣ не въ меньшей степени проникнутъ противо-аристократической тенденціей. По мѣрѣ того, какъ благосостояніе и образованіе распространялись и въ низшихъ слояхъ общества, все громче раздавались голоса, требовавшіе реформъ. Эта оппозиція была тѣмъ опаснѣе, что знать теперь все болѣе теряла свое прежнее превосходство въ военномъ отношеніи. Тогда какъ

въ гомеровское время участь сраженій рѣшалась почти исключительно передними рядами тяжеловооруженныхъ, въ сравненіи съ которыми масса легковооруженнаго и плохо дисциплинированнаго народа не имѣла почти никакого значенія, — теперь успѣхи металлургіи дали возможность и среднему классу пріобрѣтать себѣ металлическое вооруженіе. Это произвело совершенный переворотъ въ тактикѣ; съ тѣхъ поръ какъ греческія государства получили возможность выставлять сотни и тысячи закованныхъ въ металлъ воиновъ, способъ сраженія въ разсыпную, употреблявшійся въ героическое время, былъ оставленъ, и тяжеловооруженные шли на врага сомкнутыми фалангами, которыя дѣйствовали всею тяжестью своей массы. Противъ этой желѣзной стѣны боевая колесница оказывалась безполезной; она вышла изъ употребленія, и ею пользовались еще только для состязаній. Мѣсто воиновъ, сражавшихся на колесницахъ, заняла теперь конница, которою однако на гористомъ греческомъ полуостровѣ можно было пользоваться только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего она въ древнѣйшее время имѣла значеніе только въ Ѳессаліи, Беотіи и Эвбеѣ. Такимъ образомъ, господствующее вліяніе въ Греціи должно было перейти къ среднему сословію.

Первое требованіе, предъявленное правящей аристократіи, касалось кодификаціи господствующаго права, шаткость котораго составляла въ то время самое вопіющее зло во всемъ государственномъ строѣ. Реформа въ этой области была тѣмъ болѣе необходима, что государство именно въ ту эпоху начало отнимать у родовъ древнее право кровной

мести и передавать уголовныя преступленія публичнымъ судамъ, а нѣсколько позже — и приводить въ исполненіе приговоры чрезъ посредство собственныхъ должностныхъ лицъ. Родственники убитаго сохраняли только право и обязанность поддерживать обвиненіе. Благодаря этой реформѣ, въ рукахъ судей сосредоточилась такая страшная власть, что даже въ интересахъ самого господствующаго сословія чувствовалась необходимость ограничить судопроизводство точно формулированными законодательными постановленіями. Все болѣе распространявшееся знакомство съ письменностью дало возможность собрать въ одинъ сводъ правовыя нормы, освященныя обычаемъ или законодательными актами, и такимъ образомъ охранить ихъ отъ искаженій и довести до свѣдѣнія всѣхъ.

Греки, какъ и всѣ вообще индо-германцы, издревле смотрѣли на право, какъ на божеское постановленіе, и главнымъ назначеніемъ боговъ считали именно охрану правового порядка. Поэтому позднѣйшія поколѣнія видѣли въ древнихъ законодательствахъ откровенія боговъ. Критяне приписывали свои законы Миносу, и когда послѣдній изъ бога былъ обращенъ героя, то думали, что онъ получилъ свои законы отъ Зевса. Лакедемоняне считали свои законы откровеніемъ бога свѣта; Тиртей полагалъ, что они исходятъ изъ Дельфъ, тогда какъ въ представленіи позднѣйшаго времени богъ превратился въ героя Ликурга /"носителя свѣта"/, который получилъ отъ дельфійскаго оракула только санкцію своего законодательства. Такимъ же образомъ и италійскіе локры вѣрили, что авторомъ ихъ законода-

тельства былъ Залевкъ, "ярко блистающій".

Подобныя преданія показываютъ намъ, что кодификація права въ этихъ областяхъ, насколько она вообще имѣла мѣсто, ограничилась главнымъ образомъ записываніемъ господствовавшаго обычнаго права. Но именно тотъ фактъ, что миѳическіе законодатели Крита, Спарты и Локръ превратились во мнѣніи народа изъ боговъ въ людей, достаточно характеризуетъ глубокую перемѣну, которая приблизительно въ УII вѣкѣ произошла въ правовыхъ понятіяхъ грековъ. Положительные законы, господствовавшіе въ отдѣльныхъ государствахъ, были признаны теперь человѣческими постановоеніями. На мѣсто установленнаго по откровенію боговъ правового порядка гомеровскаго времени, является теперь законъ – понятіе, еще чуждое эпосу. А постановленіе человѣка можетъ быть отмѣнено другимъ человѣческимъ постановленіемъ. При такомъ воззрѣніи начертаніе существовавшихъ законовъ оказалось въ значительной степени реформою этихъ самыхъ законовъ, о виновникахъ которой долго сохранялась память въ потомствѣ.

Къ древнѣйшимъ изъ этихъ законодательствъ принадлежитъ кодификація аттическаго права Дракономъ около конца УII вѣка. За нею, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, послѣдовала обширная законодательная реформа Солона /594 г./. Еще къ УII вѣку, до начала господства Кипселидовъ и,

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.
Приложеніе къ лекціямъ. Листъ 3-ій.
Лит.Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

слѣдовательно, можетъ быть также до Дракона, относится законодательство Фейдона въ Коринѳѣ. Филолай, по преданію также коринѳянинъ, сталъ законодателемъ беотійскихъ Ѳивъ. Около того же времени Харондъ далъ законы Катанѣ, въ Сициліи; это законодательство было введено и въ остальныхъ халкидскихъ колоніяхъ запада и, измѣненное соотвѣтственно требованіямъ времени, даже еще въ Ѳуріяхъ, основанныхъ въ 445 г. Сиракузскій законодатель Діоклъ также вѣроятно жилъ въ этомъ періодѣ. Около середины УІ вѣка Питтакъ преобразовалъ законы Митилены. То же самое происходило, вѣроятно, во всемъ греческомъ мірѣ, поскольку онъ вообще принималъ участіе въ духовной жизни того времени.

Древнее право обращало вниманіе только на внѣшній составъ наказуемаго дѣянія; тепер стали принимать въ разсчетъ и внутреннюю сторону преступленія: уже законы Дракона дѣлали различіе между убійствомъ умышленнымъ и непреднамѣреннымъ; тогда какъ искупленіемъ за первое должна была служить кровь виновнаго, — непреднамѣреннаго убійцу постигало только изгнаніе, изъ котораго онъ могъ вернуться, если ему удавалось умилостивить родственниковъ убитаго. Къ тѣлеснымъ поврежденіямъ примѣнялся принципъ возмездія: кто выколалъ у другого глазъ, — постановлялъ Харондъ — тотъ долженъ самъ лишиться глаза. За кражу Драконъ установилъ смертную казнь безотносительно къ цѣнности вещи. Позже Солонъ ввелъ различіе между крупной и мелкой кражей; для первой оставлено было наказаніе

смертью, вторая каралась денежнымъ штрафомъ въ двойномъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ — даже въ удесятеренномъ размѣрѣ стоимости украденной вещи. Вообще законодательства этого времени признаютъ, наряду со смертной казнью и тѣлеснымъ изуродованіемъ или наказаніемъ, только денежныя пени, или, для не-гражданъ, продажу въ рабство, а для гражданъ кромѣ того атимію, т.е. лишеніе гражданскихъ правъ, которое примѣнялось, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда виновный не былъ въ состояніи уплатить денежный штрафъ. Тюрьма служила только для предварительнаго заключенія или для заключенія за долги. Наконецъ, существенное вліяніе на высоту наказанія имѣло то, совершено ли преступленіе противъ гражданина или противъ не-гражданина; въ послѣднемъ случаѣ приговоръ былъ гораздо мягче.

Въ то же время, соотвѣтственно болѣе сложнымъ экономическимъ отношеніямъ эпохи, было выработано и обязательное право. Наказанія отличались ужасающей строгостью: несостоятельный должникъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ становился рабомъ кредитора. Исполненіе приговора было, однако, еще и теперь частнымъ дѣломъ; истецъ долженъ былъ, напримѣръ, самъ вознаграждать себя посредствомъ захвата части имущества своего противника. Постоянно возроставшее ослабленіе родовой связи повело, далѣе, къ тому, что распоряженіе остающимся наслѣдствомъ было предоставлено послѣдней волѣ умирающаго, какъ это въ Аѳинахъ впервые было постановлено Солономъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы были недѣлимы и неотчуждаемы, какъ напримѣръ въ Спартѣ, свобода завѣщанія

естественно ограничивалась движимымъ имуществомъ и землею, не входившею въ составъ надѣла.

Главнымъ доказательствомъ въ процессѣ, если не было письменныхъ документовъ, являлась клятва, причемъ во многихъ государствахъ до поздняго времени сохранился обычай привлекать соприсяжниковъ. Божьи суды, напр. испытаніе огнемъ, рано вышли изъ употребленія. У рабовъ дозволялось вынуждать показанія посредствомъ пытки, которая къ свободнымъ примѣнялась только въ исключительныхъ случаяхъ; граждане, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, были освобождены отъ нея народнымъ постановленіемъ, изданнымъ вѣроятно вскорѣ послѣ изгнанія тирановъ, въ концѣ VI в.

Греки никогда не научились ясно различать право отъ конституціи. Поэтому законадотельства повсюду вторгались въ область государственнаго управленія; люди стремились организовать и государство на раціональныхъ началахъ. И такъ какъ реформы вызывались преимущественно раздраженіемъ народныхъ массъ противъ ихъ благородныхъ притѣснителей, то законодательства вели обыкновенно къ ограниченію преимуществъ аристократіи. Привилегіи по рожденію теперь замѣняются привилегіями по имущественному положенію, и именно по поземельному владѣнію, соотвѣтственно второстепенной роли, какую въ VII вѣкѣ еще играли торговля и промышленность по сравненію съ сельскимъ хозяйствомъ. На этомъ принципѣ зиждилось ликурговское государственное устройство Спарты; полноправнымъ гражданиномъ былъ лишь тотъ, кто имѣлъ столько земли, что могъ, самъ не обрабатывая ея, жить съ семействомъ на приносимый ею доходъ.

Въ Халкидѣ и Эретріи на о.Эвбеѣ, а также во многихъ мало-азіатскихъ городахъ, какъ Кумы, Колофонъ, Магнесія на Меандрѣ, активнымъ правомъ гражданства пользовались всѣ тѣ, кто былъ въ состояніи держать боевого коня. Въ Аѳинахъ Солонъ ввелъ сложную систему имущественныхъ классовъ, по которымъ опредѣлялись гражданскія права. Въ Самосѣ и Сиракузахъ гражданскимъ полноправіемъ пользовались только землевладѣльцы, и аналогичный режимъ господствовалъ, вѣроятно, во всемъ греческомъ мірѣ, исключая тѣхъ государствъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Ѳессаліи, еще держалось аристократическое устройство. Вообще же въ рукахъ знатныхъ родовъ оставалось, въ видѣ единственной привилегіи, отправленіе извѣстныхъ жреческихъ обязанностей, съ незапамятныхъ временъ переходившее въ нихъ отъ отца къ сыну, — право, которое законодательство не рѣшалось поколебать изъ соображеній религіознаго свойства.

Какъ бы велико ни было принципіальное значеніе этихъ реформъ, на практикѣ онѣ мало измѣнили существовавшій порядокъ вещей, такъ какъ почти вся земля принадлежала аристократическимъ фамиліямъ, которыя, такимъ образомъ, попрежнему сохраняли руководящее вліяніе на управленіе государствомъ. Тѣмъ важнѣе были послѣдствія реформъ. Преграды, дѣлившія до тѣхъ поръ гражданъ на два совершенно обособленныхъ лагеря, теперь рушились. И самому бѣдному дана была закономъ возможность получить всѣ гражданскія права, какъ только онъ, благодаря прилежанію или

счастью, достигалъ извѣстнаго благосостоянія; съ другой стороны, благородный, промотавъ свое имѣніе, долженъ былъ выступать изъ привилегированнаго класса. А при блестящемъ развитіи, какого достигли въ Греціи торговля и промышленность въ теченіе VI вѣка, уничтоженіе преимуществъ землевладѣнія сравнительно съ движимостью было только вопросомъ времени. Поговорка, гласящая, что деньги дѣлаютъ человѣка, возникла въ это время, и она характерна для направленія общественной мысли.

Такая реформа, конечно, не могла быть проведена мирнымъ путемъ. Привилегированныя сословія отказываются отъ своихъ преимуществъ не иначе, какъ по принужденію; дѣйствительно, вслѣдъ за паденіемъ монархіи въ Греціи наступило время революцій. Внѣшній толчокъ къ перевороту давали обыкновенно раздоры въ средѣ самого господствующаго класса, которые были тѣмъ болѣе неизбѣжны, чѣмъ тѣснѣе была связь между членами каждаго аристократическаго рода въ отдѣльности. Болѣе слабая партія искала помощи у народа, честолюбивые аристократы становились во главѣ недовольныхъ массъ и вели ихъ противъ своихъ собственныхъ товарищей по сословію; и хотя эта борьба съ существующимъ строемъ часто бывала безуспѣшна, но ее снова возобновляли до тѣхъ поръ, пока наконецъ достигали цѣли. Тогда начинались казни, изгнанія, конфискація имуществъ, отмѣна долговъ, новое раздѣленіе земельной собственности; но и знать — тамъ, гдѣ она одерживала верхъ, — не оставалась въ долгу передъ своими противниками, и нерѣдко даже святость храма не спасала приверженцевъ по-

бѣжденной партіи отъ мести побѣдителей. Однако, при политической незрѣлости массъ, паденіе аристократіи вело въ началѣ не къ созданію свободныхъ конституцій, а къ возстановленію строя царской эпохи; побѣдоносный демосъ предоставлялъ своимъ вождямъ высшую власть, которая, казалось, одна только могла помѣшать возвращенію ненавистнаго господства аристократіи.

Но отжившія уже учрежденія не воскресаютъ снова, и это новое царство было совершенно непохоже на прежнюю монархію героическаго времени. Это очень хорошо чувствовали и сами новые правители, не рѣшавшіеся принимать имя царя; современники называютъ ихъ "монархами" или "тиранами"; послѣдніе слово тогда еще не имѣло того ненавистнаго смысла, какой оно получило у насъ. Вообще тираны вели себя совершенно какъ представители народа, и, напримѣръ, никто изъ нихъ не чеканилъ монетъ съ собственнымъ именемъ. Формы республиканскаго устройства были по возможности сохранены, и правители заботились только о томъ, чтобы наиболѣе вліятельныя должности всегда замѣщались ихъ родственниками или приверженцами. Разумѣется, и положенію самого "тирана" въ государствѣ придавалась какая-нибудь законная форма: обыкновенно ему вручали высшую военную власть — либо на всю жизнь, либо на извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ полномочіе возобновлялось. На основаніи этой компетенціи бол шинство тирановъ содержало отряды наемниковъ для охраны кремля и другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Однимъ этимъ, конечно, нельзя было удержать надолго власть въ своихъ

рукахъ; поэтому тираны усердно стараются сохранить расположеніе возвысившаго ихъ народа образцовымъ управленіемъ, сооруженіемъ великолѣпныхъ общественныхъ построекъ, устройствомъ блестящихъ празднествъ и, по возможности, славными внѣшними предпріятіями. Такая дѣятельность требовала значительныхъ денежныхъ средствъ, вслѣдствіе чего теперь — впервые въ греческой исторіи — введено было правильное прямое обложеніе.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тираннія дала могущественный толчокъ какъ экономическому, такъ и духовному развитію Греціи. Она освободила народныя массы отъ вѣкового гнета, сломила старые сословные предразсудки, впервые фактически установила равенство передъ закономъ между знатными и незнатными. Государство въ первый разъ сознало свою обязанность заботиться не только о защитѣ гражданъ, но и объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, путемъ покровительства торговлѣ, сельскому хозяйству и промышленности, устройства дорогъ, каналовъ и водопроводовъ. Коринѳъ и Самосъ достигли блестящаго положенія при Періандрѣ и Поликратѣ; Писистратъ и Гелонъ положили основаніе позднѣйшему величію Аѳинъ и Сиракузъ. Художники и поэты были желанными гостями при дворахъ тирановъ и находили для себя выгодныя занятія, первые — при постройкахъ, вторые — на музыкальныхъ представленіяхъ во время большихъ празднествъ. Сами правители съ живымъ участіемъ слѣдили за всѣми духовными стремленіями своего времени, а Періандръ и Питтакъ даже попали въ число семи мудрецовъ

Но несмотря на этотъ блескъ и на всѣ великія заслуги тирановъ, ихъ господство въ Греціи не могло быть продолжительно. Подчиненіе волѣ одного человѣка, хотя бы и прикрытое подобіемъ республиканскихъ формъ, сдѣлалось, наконецъ, одинаково невыносимымъ для всѣхъ слоевъ населенія. Та глубокая ненависть къ монархическому правленію, которою отличаются греки классическаго періода, представляетъ большею частью послѣдствіе тираніи. Нужно было обладать очень выдающимися политическими дарованіями, чтобы при этихъ условіяхъ отстоять свое единовластіе; а что такія дарованія только рѣдко передаются по наслѣдству сыновьямъ, это было извѣстно уже древнему Гомеру. Такимъ образомъ тиранія обыкновенно лишь на короткое время переживала своего основателя. Только въ немногихъ случаяхъ она удержалась въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, — дольше всего въ Сикіонѣ, гдѣ въ продолженіе цѣлаго столѣтія /приблизительно 660-560 г./ власть оставалась въ рукахъ фамиліи Ортагора.

Гнетъ тираническаго правленія сильнѣе всего давалъ себя чувствовать аристократіи, и она то больше всего и способствовала его сверженію. Однако возстановленіе прежняго господства знати было при современныхъ условіяхъ немыслимо. Можно было, конечно, изгнать тирановъ, но нельзя было уничтожить тѣхъ глубокихъ слѣдовъ, которые оставило ихъ правленіе. Такъ, сверженное нѣкогда Кипселомъ господство Бакхіадовъ въ Коринѳѣ не было возстановлено, а замѣнено умѣренной олигархіей; въ Аѳинахъ послѣ паденія Писистратидовъ законы Солона были измѣнены въ

демократическомъ духѣ. Только въ тѣхъ государствахъ, которыя не прошли черезъ стадію тираніи, какъ Ѳессалія, Беотія, Элида, древнее аристократическое устройство удержалось до Персидскихъ войнъ, а отчасти еще дольше.

Движеніе, изображенное здѣсь въ своихъ общихъ чертахъ, началось приблизительно около середины УII вѣка. Оно ограничилось только тѣми частями греческаго міра, которыя въ экономическомъ и духовномъ отношеніи достигли наибольшаго развитія, слѣдовательно колоніями на западѣ Малой Азіи, Сициліей, а въ метрополіи Аттикой, Эвбеей и городами при Исѳмѣ. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, тиранія до IУ столѣтія не привилась нигдѣ на греческомъ полуостровѣ; точно также мы до Персидскихъ войнъ не встрѣчаемъ тирановъ въ колоніяхъ по сѣверному побережію Эгейскаго моря и на Черномъ морѣ, что, впрочемъ, объясняется, можетъ быть, только скудостью дошедшихъ до насъ извѣстій. На Критѣ возникновенію тираніи мѣшала военная организація гражданъ и обособленное положеніе острова; а тамъ, гдѣ удержалась древняя монархія, тиранія вообще не могла возникнуть.

Древнѣйшими тиранами Милета были, по преданію, Ѳоантъ и Дамасѳноръ, которые, впрочемъ, скоро были свергнуты знатью; за ними послѣдовалъ, около начала УI вѣка, Ѳрасибулъ, который защитилъ городъ противъ Аліатта лидійскаго и послѣ продолжительной борьбы добился почетнаго мира. Нѣсколько больше мы знаемъ о внутренней борьбѣ въ Митиленѣ около середины УI столѣтія, благодаря пѣснямъ Алкея, который самъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ

движенiи. Попытки Меланхра и Мирсила добиться единовластiя увѣнчались только временнымъ успѣхомъ; наконецъ утомленный внутренними смутами демосъ вручилъ диктатуру или, какъ выражались враги, тиранію, человѣку замѣчательнаго ума, Питтаку, который возстановилъ порядокъ и затѣмъ сложилъ съ себя свое званіе. Что касается тирановъ большинства остальныхъ городовъ мало-азiатскаго побережья, то мы знаемъ только ихъ имена, а большею частью не знаемъ и этого. Въ нѣсколько болѣе ясныхъ очертанiяхъ вырисовывается изъ тумана только личность Поликрата. Около 540 г. онъ свергъ господство земельной аристократiи на Самосѣ и скоро сдѣлался, благодаря своему флоту, страшилищемъ Эгейскаго моря, на которомъ онъ занимался морскимъ разбоемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Тщетно пытались милетцы и союзные съ ними лесбосцы положить конецъ его грабежамъ; такъ же безъуспѣшно окончился походъ противъ Самоса, препринятый спартанцами и коринеянами. Поликратъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ войнъ, и многiе изъ сосѣднихъ острововъ и приморскихъ городовъ должны были подчиниться его господству. Съ египетскимъ царемъ Амазисомъ онъ поддерживалъ дружескія отношенія, что, впрочемъ, не помѣшало ему послать свое войско на помощь персидскому царю для покоренія нильской долины. Награбленныя сокровища онъ употреблялъ на великолѣпныя постройки, которыя еще долго потомъ составляли украшенiе Самоса; при его дворѣ жили поэты Ибикъ и Анакреонъ Наконецъ возрастающее могущество Поликрата начало безпокоить и персовъ, хотя онъ призналъ верховную власть вели-

каго царя и, безъ сомнѣнія, платилъ также дань. Орэтъ, сатрапъ Сардъ, хитростью заманилъ его въ Магнесію на Меандрѣ, гдѣ велѣлъ умертвить его и трупъ распять на крестѣ. Послѣ этого личный секретарь Поликрата, Меандрій, провозгласилъ себя тираномъ въ Самосѣ и удержалъ въ своихъ рукахъ власть до тѣхъ поръ, пока Силосонтъ, братъ Поликрата, изгнанный послѣднимъ изъ отечества, не вернулся съ персидскою помощью на островъ. Вообще персы старались доставлять власть въ греческихъ городахъ Малой Азіи тиранамъ, потому что послѣдніе, будучи связаны съ государствомъ собственными интересами, служили лучшею порукою въ вѣрности городовъ. Благодаря этому, подъ конецъ УI в. тиранія была господствующей формой правленія въ азіатской Греціи.

На другомъ концѣ греческаго міра, въ Сициліи, первымъ тираномъ былъ, по преданію, Панэтій; приблизительно въ 600 г. онъ свергъ господство земельной аристократіи въ Леонтинахъ. Большее значеніе пріобрѣлъ около 560 г. въ Акрагантѣ энергичный Фаларисъ, который покореніемъ сосѣднихъ сицилійскихъ общинъ положилъ основаніе величію своего города. Преданіе рисуетъ его типомъ жестокаго тирана; и дѣйствительно, только благодаря своей неутомимой энергіи онъ могъ держаться противъ происковъ своихъ враговъ, которыми онъ въ концѣ концовъ и былъ побѣжденъ послѣ шестнадцатилѣтняго правленія. Но съ его паденіемъ Акрагантъ только перемѣнилъ правителя; монархія удержалась, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ была возстановлена. Въ большинствѣ остальныхъ городовъ греческаго запада

тиранія установилась только подъ конецъ VI в., какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Въ греческой метрополіи, по преданію, около середины VII в. Ортигоръ провозгласилъ себя тираномъ своего роднаго города Сикіона, и его династія удержала власть до середины слѣдующаго столѣтія. При Клисѳенѣ /приблизительно 590-560 г./ эта тиранія достигла наибольшаго блеска. Сикіонъ принималъ участіе въ "священной войнѣ" противъ Крисы и въ побѣдоносныхъ войнахъ съ могущественнымъ Аргосомъ отстоялъ свою независимость. По преданію, руки Клисѳеновой дочери Агаристы искали юноши изъ лучшихъ фамилій всей Греціи; отецъ выдалъ ее за аѳинянина Мегакла изъ дома Алкмеонидовъ /около 570 г./. Родившійся отъ этого брака сынъ, названный по имени дѣда съ материнской стороны Клисѳеномъ, положилъ основаніе аттической демократіи послѣ паденія тираніи сыновей Писистрата. Со смертью Клисѳена мужская линія династіи Ортагора повидимому угасла, и въ Сикіонѣ было возстановлено республиканское устройство.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Сикіонѣ, господство аристократіи было низвергнуто въ сосѣднемъ Коринѳѣ Кипселомъ, которому затѣмъ наслѣдовалъ его сынъ Періандръ. Съ воцареніемъ послѣдняго началась для Коринѳа пора расцвѣта. Положено было основаніе цѣлому ряду цвѣтущихъ колоній, какъ Анакторіонъ, Левкада, Амбракія, Аполлонія, Эпидамнъ —, на Іоническомъ и Адріатическомъ моряхъ. Потидея на Халкидонскомъ полуостровѣ. Далѣе Періандръ покорилъ могущественную Корциру, основанную около середины VIII в.

выходцами изъ Коринѳа и успѣвшую съ тѣхъ поръ сдѣлаться соперницею метрополіи въ торговлѣ съ западомъ. Во главѣ отдѣльныхъ городовъ поставлены были члены царствующаго дома: въ Амбракіи сынъ Кипсела Горгъ, въ Корцирѣ сынъ Періандра Ликофронъ. Такимъ образомъ, впервые въ греческой исторіи, основано было обширное колоніальное государство. Сосѣдній Эпидавръ также долженъ былъ признать господство Коринѳа. Послѣдній сталъ теперь безспорно самою значительною морскою державою Греціи и однимъ изъ первыхъ греческихъ государствъ вообще; война между Халкидой и Эретріей за обладаніе лелантскимъ полемъ, которая подорвала могущество эвбейскихъ городовъ и въ которой Періандръ принималъ дѣятельное участіе, упрочила положеніе Коринѳа. При такихъ условіяхъ коринѳская торговля быстро достигла значительнаго развитія, и, повидимому, именно Періандръ отчеканилъ въ Коринѳѣ первыя монеты. О процвѣтаніи художественной промышленности свидѣтельствуютъ сохранившіяся во множествѣ коринѳскія вазы и металлическія издѣлія этого времени и знаменитый "ящикъ Кипсела", который, кажется, былъ посвященъ Періандромъ Герѣ въ Олимпіи. Игры въ честь исѳмійскаго Посейдона также, вѣроятно, обязаны Періандру, если не учрежденіемъ, то во всякомъ случаѣ возведеніемъ ихъ на степень панэллинскаго національнаго празднества. Періандръ покровительствовалъ также музыкѣ и поэзіи; при его дворѣ жилъ и работалъ сочинитель диѳирамбовъ Аріонъ.

Но послѣ смерти Періандра тиранія держалась въ Коринѳѣ лишь короткое время. Его племянникъ Псамметихъ,

наслѣдовавшій ему въ правленіи, уже черезъ нѣсколько лѣтъ былъ убитъ, и затѣмъ введена была умѣренная олигархія, которая съ небольшими перерывами удержалась до македонскаго періода. Въ колоніяхъ также были теперь низвергнуты потомки Кипсела; Корцира и Эпидавръ вернули себѣ независимость. Могущество Коринөа было глубоко потрясено, и одно время городъ, кажется, принужденъ былъ даже признавать верховное владычество аргосскаго царя Фейдона. Правда, послѣ смерти Фейдона Коринөъ вернулъ себѣ свободу, и Потидея и колоніи на этолійско-акарнанскомъ побережьѣ вверхъ до Амбракіи остались вѣрны метрополіи; но Корцира отстояла свою самостоятельность, и скоро Коринөъ былъ вынужденъ броситься въ объятія Спарты.

Приблизительно около того времени, когда Кипселъ достигъ власти въ Коринөѣ, въ сосѣдней Мегарѣ провозгласилъ себя тираномъ Өеагенъ. Онъ завоевалъ Саламинъ, или по крайней мѣрѣ отстоялъ этотъ островъ противъ притязаній Аөинъ; далѣе, онъ возвелъ большія общественныя постройки. Въ концѣ концовъ онъ былъ свергнутъ народомъ, послѣ чего, по преданію, наступило время господства черни, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока и здѣсь, какъ въ Коринөѣ, не былъ введенъ олигархическій образъ правленія.

Өеаганъ выдалъ свою дочь за молодого аөинскаго аристократа Килона, который прославился побѣдою на олимпійскихъ играхъ /по преданію въ 640 г./. Килонъ задумалъ послѣдовать примѣру тестя и стать повелителемъ своего родного города. Ему дѣйствительно удалось съ толпой своихъ приверженцевъ занять акрополь; но народное воз-

станіе, на которое онъ надѣялся, не произошло. Архонты, съ Алкмеонидомъ Мегакломъ во главѣ, оцѣпили акрополь, въ которомъ скоро наступилъ голодъ. Самъ Килонъ спасся бѣгствомъ, а его приверженцы, искавшіе спасенія у алтаря Аѳины, были убиты по приказанію архонтовъ. Впослѣдствіи Алкмеониды тяжко поплатились за это преступленіе.

Можетъ быть, именно эти событія побудили правящій классъ эвпатридовъ сдѣлать уступку требованіямъ демоса въ видѣ законодательства Дракона. При постоянно возраставшей нуждѣ народныхъ массъ, эта уступка могла помочь, конечно, только на короткое время. Въ средѣ самихъ эвпатридовъ существовала партія, которая настаивала на коренной реформѣ, какъ на единственномъ средствѣ для предупрежденія революціи. Во главѣ этой партіи стоялъ Солонъ, самый выдающійся въ умственномъ отношеніи аѳинянинъ того времени, принадлежавшій къ древней, хотя и не очень богатой фамиліи. Будучи талантливымъ поэтомъ, онъ старался влiять на общественное мнѣніе въ духѣ реформы при помощи своихъ элегій — единственный видъ публицистической дѣятельности, который былъ въ то время возможенъ. Наконецъ цѣль была достигнута; въ 594 г. Солонъ, въ качествѣ перваго архонта, сталъ во главѣ государства съ неограниченнымъ полномочіемъ на реформу существующаго порядка.

На первомъ планѣ стояло исцѣленіе соціальныхъ золъ, отъ которыхъ страдала Аттика. Но тутъ могли помочь только очень радикальныя мѣропріятія. Послѣдовала всеобщая отмѣна долговъ, и Солонъ по праву могъ хвастаться тѣмъ,

что освободилъ свою страну отъ бремени залоговыхъ камней, которые возвышались повсюду на поляхъ крестьянъ. Далѣе, была дана свобода всѣмъ, кто за долги попалъ въ рабство, и на будущее время отнято у кредитора право на личность должника. Но новому раздѣлу земельной собственности, котораго требовали его единомышленники, Солонъ рѣшительно воспротивился.

Когда, такимъ образомъ, самая неотложная часть работы была сдѣлана, Солонъ приступилъ къ кодификаціи частнаго права, между тѣмъ какъ для уголовнаго права остались въ силѣ законы Дракона. Въ гражданскомъ процессѣ введена была аппеляція на приговоръ должностныхъ лицъ къ собранію присяжныхъ, которые выбирались по жребію изъ всѣхъ гражданъ старше 30 лѣтъ; этимъ устранялась самая вопіющая несправедливость стараго суда. Что касается уголовнаго судопроизводства, то самая существенная часть его — судъ за умышленное убійство — былъ отнятъ у эфетовъ и возложенъ на особую корпорацію, къ которой пожизненно принадлежали всѣ архонты, безупречно исполнившіе свою должность; рядомъ съ ними засѣдали здѣсь съ правомъ голоса и состоявшіе въ данное время на службѣ архонты. Новое судилище собиралось, какъ нѣкогда эфеты, на холмѣ Ареса, на освященномъ древностью мѣстѣ у подножія акрополя, и получило поэтому названіе "совѣтъ ареопага".

---

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.

Приложенія къ лекціямъ. Листъ 4-ый.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ [signature]

Государственное устройство также было измѣнено сообразно воззрѣніямъ времени. Родовой цензъ былъ замѣненъ имущественнымъ. Для этой цѣли всѣ граждане были раздѣлены на четыре класса по величинѣ имущества. Къ первому классу принадлежали всѣ тѣ, которые получали со своихъ земель ежегоднаго дохода не менѣе 500 мѣръ хлѣба или масла и вина; только они могли быть избираемы на высшія государственныя должности. Второй классъ обнималъ гражданъ, получавшихъ отъ 300 до 500 мѣръ; третій классъ — землевладѣльцевъ съ годовымъ доходомъ отъ 200 до 300 мѣръ. Для гражданъ этихъ двухъ классовъ былъ открытъ доступъ къ низшимъ государственнымъ должностямъ. Бѣднѣйшимъ гражданамъ, которые не были въ состояніи содержать запряжку воловъ и должны были жить всецѣло или отчасти трудами своихъ рукъ, равно какъ и всѣмъ, владѣвшимъ исключительно движимою собственностью, было предоставлено только участіе въ народномъ собраніи безъ пассивнаго избирательнаго права. Для цѣлей управленія все государство было раздѣлено на 48 округовъ - "навкрарій" - по 12 въ каждой изъ четырехъ филъ, на которыя распадались всѣ граждане. Каждый изъ этихъ округовъ долженъ былъ въ случаѣ войны снаряжать корабль, а на ихъ начальниковъ, навкраровъ, возложено было собираніе прямыхъ имущественныхъ налоговъ, къ которымъ прибѣгали въ случаѣ чрезвычайной надобности. Въ остальномъ организація государственныхъ должностей не подверглась существеннымъ измѣненіямъ. Высшею инстанціей для рѣшенія всякихъ политическихъ и административныхъ споровъ сдѣланъ былъ ареопагъ, который такимъ образомъ сталъ важнѣйшимъ учрежденіемъ въ

государствѣ.

Солонъ имѣлъ полную возможность удержать въ своихъ рукахъ власть, которую ему вручили для проведенія реформъ, и сдѣлаться аѳинскимъ тираномъ. Онъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ; но этимъ онъ только замедлилъ, а не остановилъ теченіе обстоятельствъ, толкавшее и Аѳины въ объятія тираніи, потому что созданный имъ государственный строй, какъ это обыкновенно бываетъ при компромиссахъ, не удовлетворилъ собственно никого, кромѣ самого законодателя. Важнѣйшій недостатокъ этой конституціи состоялъ въ томъ, что она принимала въ разсчетъ только поземельную собственность и тѣмъ совершенно устраняла классъ ремесленниковъ, "деміурговъ", отъ участія въ государственномъ управленіи, несмотря на то, что этотъ классъ пріобрѣлъ уже огромное значеніе въ экономической жизни страны, и что это значеніе съ каждымъ днемъ возростало. Броженіе внутри страны возобновилось. Уже въ 590 г. не состоялись выборы архонтовъ, что повторилось и четыре года спустя; вскорѣ послѣ этого архонтъ Дамасій сдѣлалъ попытку удержать власть дольше законнаго срока, т.е. низвергнуть конституцію и провозгласить себя тираномъ. Однако его попытка не удалась: послѣ двухлѣтняго господства /582-58/ Дамасій былъ свергнутъ и Аѳины снова вернулись къ сословному строю, съ тою только разницею, что теперь доступъ къ государственнымъ должностямъ былъ открытъ и мелкимъ землевладѣльцамъ и деміургамъ. Были выбраны десять архонтовъ - пять изъ эвпатридовъ, три изъ

крестьянъ, остальные два изъ деміурговъ; но эта реформа держалась лишь очень короткое время. Революція продолжалась, поддерживаемая, главнымъ образомъ, раздорами среди самой аристократіи. Одна изъ могущественнѣйшихъ фамилій, Алкмеониды, отдѣлилась отъ большинства знати и стала во главѣ недовольныхъ народныхъ массъ. Главную поддержку они нашли въ жителяхъ прибрежной части Аттики по ту сторону Гиметта, такъ называемой Паралія; отсюда и названіе партіи "Паралія". Противную партію составляли богатые землевладѣльцы аѳинской равнины со своими приверженцами, такъ называемые Педіеи.

Исходъ этой борьбы рѣшилъ Писистратъ, происходившій изъ очень знатной семьи, которая вела свой родъ отъ Нестора. Но еще болѣе, чѣмъ своему знатному происхожденію, онъ былъ обязанъ собственнымъ военнымъ успѣхамъ. Ему удалось отнять у мегарянъ островъ Саламинъ, на который Аѳины издавна заявляли притязанія, и даже завоевать Нисею, гавань Мегаръ, которая, впрочемъ, была возвращена послѣ заключенія мира. Эти успѣхи доставили ему широкую популярность, и въ особенности мелкое крестьянское населеніе такъ называемой Діакріи, противолежащей Эвбеѣ части Аттики, было предано ему душой и тѣломъ. Общій интересъ сблизилъ его съ Алкмеонидами; глава этого рода Мегаклъ отдалъ за него свою дочь, и соединенными силами имъ удалось отнять педіеевъ управленіе государствомъ. Для охраны его личности отъ покушеній противниковъ Писистрату было разрѣшено постановленіемъ народнаго собранія набрать отрядъ тѣлохранителей; тогда онъ сбросилъ

маску, завладѣлъ акрополемъ и сталъ, такимъ образомъ, владыкой Аѳинъ, "тираномъ" /около 560 г./. Это, конечно, не входило въ разсчеты Мегакла; онъ примирился теперь со своими старыми противниками, педіеями, - тѣмъ болѣе, что бракъ его дочери съ Писистратомъ остался бездѣтнымъ. Противъ этой коалиціи тиранъ не могъ устоять. Онъ удалился въ изгнаніе, сначала на ѳракійское побережье, затѣмъ въ Эретрію; его имѣнія въ Аттикѣ были конфискованы, и свобода, казалось, была еще разъ спасена.

Однако Писистратъ и теперь не отказался отъ своихъ плановъ. Во многихъ частяхъ Эллады у него были могущественные друзья, которые доставляли ему обильныя денежныя средства для вербовки наемниковъ. Послѣ десятилѣтнихъ приготовленій онъ высадился въ Мараѳонской бухтѣ, на берегу преданной ему Діакріи. Здѣсь въ его лагерь стали стекаться со всѣхъ сторонъ его единомышленники; скоро онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы двинуться на Аѳины. У храма Аѳины въ Паллене, близъ сѣвернаго склона Гиметта, онъ встрѣтилъ войско аѳинской знати; оно потерпѣло полное пораженіе, и побѣдитель безпрепятственно вступилъ въ столицу. Вожди противной партіи, преимущественно Алкмеониды, удалились въ изгнаніе.

Писистратъ оставилъ въ силѣ конституцію Солона и заботился только о томъ, чтобы выборы падали, по возможности, на его родственниковъ и приверженцевъ; начальство надъ военными силами онъ, разумѣется, оставилъ за собою, а въ акрополѣ держалъ гарнизонъ изъ своихъ наемниковъ. Онъ усердно поощрялъ земледѣліе, устраивалъ дороги и водопроводы, украсилъ городъ великолѣпными постройками,

какъ напр. храмами Аѳины Поліады на акрополѣ и Зевса Олимпійскаго у Илиса. Главные два празднества позднѣйшихъ Аѳинъ, большія Панаѳинеи и большія Діонисіи, были учреждены Писистратомъ. Тогда въ первый разъ начали ставить на сцену трагедіи, и первые поэты и композиторы того времени, какъ Симонидъ, Анакреонъ, Ласосъ изъ Герміоны, были съ почетомъ приняты при дворѣ аѳинскаго тирана. Орфическій пророкъ Ономокритъ также находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ сыномъ Писистрата Гиппархомъ.

Но самую блестящую сторону правленія Писистрата составляла его внѣшняя политика. Онъ доставилъ Аѳинамъ вліяніе на делосскій храмъ Аполлона, сдѣлавшійся въ теченіе VII в. общею племенной святыней іонянъ по обѣ стороны Эгейскаго моря; правителемъ Наксоса, самаго большого изъ Цикладскихъ острововъ, онъ сдѣлалъ своего друга Лигдамиса. Далѣе, Писистратъ обратилъ свои взоры на Геллеспонтъ, важнѣйшую торговую дорогу греческаго міра, обладаніе которою все болѣе становилось жизненнымъ вопросомъ для Аѳинъ. Онъ занялъ здѣсь городъ Сигейонъ при устьѣ Скамандра и отстоялъ его въ многолѣтней войнѣ противъ Митилены. Около того же времени аѳинянинъ Мильтіадъ изъ стариннаго аристократическаго дома Филаидовъ основалъ себѣ княжество во ѳракійскомъ Херсонесѣ, на противолежащемъ Сигейону европейскомъ берегу Геллеспонта. Очевидно, что это предпріятіе могло удаться только при содѣйствіи Писистрата; если на родинѣ Мильтіадъ былъ его политическимъ противникомъ, то въ Херсонесѣ его собственные интересы заставили его примкнуть къ аѳинскому тирану.

Писистратъ уже во время своего изгнанія укрѣпился на южномъ берегу Ѳракіи, у нижняго теченія Стримона, гдѣ позже былъ основанъ Амфиполисъ; онъ удержалъ эти владѣнія и по возвращеніи въ Аѳины, и изъ рудниковъ Пангея извлекалъ часть финансовыхъ средствъ, нужныхъ для его предпріятій. Такимъ образомъ, Писистратъ повсюду намѣтилъ направленіе позднѣйшей колоніальной политики Аѳинъ и положилъ первое основаніе морскому могуществу своего города.

Но несмотря на весь этотъ блескъ, аѳиняне не могли забыть, что расцвѣтъ ихъ города купленъ цѣною свободы; правда, у нихъ былъ хорошій господинъ, но все же это былъ господинъ. Впрочемъ, пока Писистратъ былъ живъ, не обнаруживалось никакой оппозиціи; только, когда умеръ старый правитель /по преданію въ 527 г./ и власть перешла къ его сыновьямъ Гиппію и Гиппарху, началось революціонное движеніе. Во время большихъ Панаѳиней лѣтомъ 514 года Гиппархъ палъ жертвой заговора; но Гиппій спасся отъ ножа убійцъ, и ближайшимъ послѣдствіемъ неудачнаго покушенія было только то, что тиранія сдѣлалась еще болѣе тягостной. Однако, народъ сохранилъ благодарное воспоминаніе объ этомъ подвигѣ, и когда спустя нѣсколько лѣтъ Аѳины освободились отъ тираніи, - тираноубійцамъ Гармодію и Аристогитону были воздвигнуты на площади мѣдныя статуи и ихъ потомки удостоены высшей почести, какую только могло оказать государство гражданину, именно пожизненнаго участія въ обѣдахъ въ Пританеѣ. И долго еще въ Аѳинахъ на праздничныхъ пиршествахъ раздавалась пѣснь

свободы: "Я хочу нести мечъ въ миртовомъ вѣнкѣ, какъ Гармодій и Аристогитонъ, когда отъ ихъ палъ тиранъ и они завоевали для аѳинскаго народа свободу и право".

Теперь начали дѣйствовать и аттическіе эмигранты; отрядъ изгнанныхъ эвпатридовъ завладѣлъ Лейпсидріономъ, укрѣпленнымъ пунктомъ у южнаго склона Парнеса. Но народъ остался спокойнымъ, Лейпсидріонъ палъ, и много доблестныхъ людей погибло за свободу. Однако Алкмеониды не были обезкуражены этой неудачей; не будучи въ состояніи собственными силами свергнуть тиранію, они стали искать помощи на сторонѣ. Даже въ изгнаніи они располагали значительными денежными средствами, которыя дали имъ возможность, послѣ пожара дельфійскаго храма, взять на себя возобновленіе его и при этомъ сдѣлать больше, чѣмъ они были обязаны по контракту. Этимъ они привлекли на свою сторону дельфійскихъ жрецовъ и вообще Амфиктіонію, и оракулъ употребилъ теперь все свое вліяніе, чтобы побудить Спарту къ вмѣшательству въ дѣла Аттики. Но и собственные интересы Спарты побуждали ее стремиться къ тому, чтобы подчинить могущественныя Аѳины своему вліянію, - тѣмъ болѣе, что Писистратиды находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аргосомъ. Поэтому спартанцы послали войско противъ Гиппія; но на помощь послѣднему подоспѣла ѳессалійская конница, и благодаря этому подкрѣпленію, ему удалось разбить на голову высадившихся при Фалеронѣ спартанцевъ и прогнать ихъ обратно къ ихъ кораблямъ. Спарта принуждена была напрячь всѣ свои силы. Царь Клеоменъ повелъ пелопонесское союзное войско черезъ Исѳмъ, одержалъ побѣду надъ ѳессалійскими всадниками и вступилъ

въ Аѳины, гдѣ заперъ Гиппія въ акрополѣ. Спустя нѣсколько дней тиранъ капитулировалъ подъ условіемъ свободнаго отступленія; онъ удалился въ свое геллеспонтское владѣніе Сигейонъ, гдѣ правилъ съ тѣхъ поръ въ качествѣ персидскаго вассала. Аѳины были свободны /510 г. до Р.Х./.

До сихъ поръ аттическую аристократію объединялъ гнетъ тираніи; теперь опять стали возобновляться старые раздоры. Главная заслуга въ сверженіи тирана принадлежала Алкмеонидамъ, къ которымъ поэтому и перешло въ началѣ управленіе государствомъ. Во главѣ этого рода стоялъ въ то время Клисѳенъ, сынъ того самого Мегакла, который былъ сначала союзникомъ, а потомъ смертельнымъ врагомъ Писистрата и умеръ въ изгнаніи; это былъ очень даровитый государственный человѣкъ, похожій на своего дѣда по матери, сикіонскаго тирана, имя котораго онъ носилъ. Народная политика была традиціей въ его фамиліи; теперь же она была особенно необходима въ виду того, что Писистратиды все еще обладали въ Аѳинахъ сильной партіей. Поэтому Клисѳенъ приступилъ къ реформѣ государственнаго устройства въ демократическомъ духѣ, какъ къ единственному средству предотвратить возстановленіе тираніи и въ то же время упрочить свою собственную власть противъ происковъ многочисленныхъ знатныхъ родовъ, которые, ничему не научившись и ничего не забывъ, стремились къ возстановленію аристократическаго строя.

Итакъ, прежде всего Клисѳенъ долженъ былъ сломить ту организацію, на которой до сихъ поръ главнымъ образомъ основывалось вліяніе этихъ родовъ. Съ этою цѣлью онъ

ввелъ въ Аттикѣ новое политическое дѣленіе. Прежнія родовыя филы, существовавшія съ незапамятныхъ временъ, были уничтожены; ихъ замѣнили десять новыхъ, мѣстныхъ филъ, при чемъ каждый гражданинъ былъ причисленъ къ той филѣ, въ области которой онъ жилъ въ моментъ преобразованія. Такимъ образомъ большіе знатные роды, изъ которыхъ каждый раньше принадлежалъ цѣликомъ къ одной какой-нибудь филѣ, теперь должны были раздробиться, и въ высшей степени затруднялась совмѣстная дѣятельность ихъ членовъ. И дѣйствительно, цѣль оказалась вполнѣ достигнутой: уже въ ближайшемъ поколѣніи роды, какъ таковые, теряютъ всякое политическое значеніе, между тѣмъ какъ до этого времени именно они составляли главный факторъ въ партійной жизни Аттики. Въ то же время было принято въ число гражданъ множество иностранцевъ, жившихъ осѣдло въ Аѳинахъ /метэки/, и даже вольноотпущенныхъ рабовъ, что, конечно, содѣйствовало усиленію демократическаго элемента.

Новыя филы были названы по именамъ наиболѣе знаменитыхъ отечественныхъ героевъ: Эрехѳея, Эгея, Кекропса, Эанта и другихъ. Каждая фила въ свою очередь распадалась на нѣсколько общинъ, изъ которыхъ каждая состояла изъ одной деревни или мѣстечка Аттика; только столица и второй послѣ нея по величинѣ городъ страны, Браврonъ, были раздѣлены на нѣсколько демовъ, очевидно съ цѣлью предотвратить возможность образованія изъ нихъ государствъ въ государствѣ. Съ этою же цѣлью въ одной и той же филѣ соединены были демы изъ различныхъ частей Аттики; такъ на-

примѣръ, Элевсинъ, Пирей и Аѳенія у Суніона принадлежали къ филѣ Гиппоѳоонтисъ, Мараѳонъ и Фалеронъ къ филѣ Эантисъ; Аѳины и ихъ ближайшія окрестности были раздѣлены между всѣми 10 филами. Этимъ была предотвращена опасность, чтобы новая организація не послужила оплотомъ для партикуляристическихъ стремленій, которыя такъ рѣзко обнаружились еще въ началѣ эпохи Писистратидовъ.

Для верховнаго руководства государственными дѣлами и для подготовленія вносимыхъ въ народное собраніе проектовъ былъ учрежденъ совѣтъ изъ 500 членовъ, по 50 отъ каждой изъ 10 филъ, при чемъ каждому дему предоставлялось соотвѣтствующее по величинѣ количество мѣстъ въ совѣтѣ. Это, кажется, первый примѣръ пропорціональнаго населенію представительства, который мы находимъ въ исторіи. Далѣе, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое вліяніе знатныхъ родовъ на составъ совѣта, его члены избирались посредствомъ жребія изъ числа гражданъ, искавшихъ этой должности; а большое число членовъ служило ручательствомъ за то, что господствующее въ данный моментъ среди гражданъ политическое теченіе найдетъ себѣ выраженіе и въ совѣтѣ. По числу 10 филъ совѣтъ распадался на 10 секцій, изъ которыхъ каждая въ продолженіе десятой части года имѣла предсѣдательство /"пританію"/ и безпрерывно находилась въ зданіи совѣта для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Въ теченіе этого времени члены ея содержались на государственный счетъ, такъ что и бѣдные граждане могли вступать въ совѣтъ. Вѣроятно, была также расширена компетенція народныхъ судовъ; но мы не имѣемъ объ этомъ ни-

какихъ точныхъ свѣдѣній. Однако, право быть избираемыми на высшія государственныя должности было и теперь предоставлено только двумъ высшимъ податнымъ классамъ.

Существовашія учрежденія Клисѳенъ въ общемъ оставилъ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ засталъ. Такимъ образомъ архонты по прежнему сохранили свое положеніе во главѣ государства. Правда, теперь послѣ продолжительнаго періода тираніи, ихъ компетенція представляла уже лишь тѣнь того, чѣмъ она была при Солонѣ. Полемархъ лишился начальства надъ войскомъ и въ сущности былъ только правительственнымъ чиновникомъ, хотя по имени онъ все еще оставался высшимъ военачальникомъ. Военная власть, находившаяся прежде въ рукахъ тирановъ, теперь была возложена на новообразованную коллегію десяти стратеговъ, изъ которыхъ каждый выбирался своею филою и на войнѣ командовалъ ея отрядомъ, между тѣмъ какъ въ главномъ начальствѣ надъ всѣмъ войскомъ стратеги смѣнялись каждый день по очереди. Полемархъ предсѣдательствовалъ въ этой коллегіи и занималъ въ сраженіи почетное мѣсто на правомъ флангѣ.

Наконецъ, чтобы устранить всякую возможность возстановленія тираніи, Клисѳенъ учредилъ остракизмъ. Каждою весною народъ долженъ былъ рѣшать голосованіемъ, представляетъ ли кто-нибудь изъ гражданъ опасность для свободы. Если большинство давало утвердительный отвѣтъ, то созывалось второе собраніе, въ которомъ всякій аѳинянинъ надписывалъ на табличкѣ одно имя; для того, чтобы баллотировка считалась дѣйствительной, требовалось присутствіе 6000 гражданъ, т.е. почти четверти всего числа тогдашнихъ

гражданъ Аттики. Кто имѣлъ противъ себя большинство голосовъ, долженъ былъ покинуть страну на 10 лѣтъ, но сохранялъ свое имущество и по истеченіи срока изгнанія снова возстановлялся въ правахъ гражданства. Это была мѣра борьбы, продиктованная чувствомъ самосохраненія, и только съ этой точки зрѣнія ее можно понять и оправдывать. Можно, конечно, сомнѣваться, достигла ли бы она своей цѣли, если бы Аѳинамъ еще разъ серьезно угрожала опасность тираніи; но ясно, что эта мѣра открывала полный просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ. Для вожаковъ партій, располагавшихъ въ народномъ собраніи большинствомъ голосовъ, это учрежденіе представляло отличное средство приличнымъ образомъ избавиться отъ непріятныхъ противниковъ; и дѣйствительно, почти только съ этою цѣлью и прибѣгали къ остракизму.

Ясно, что реформа Клисѳена была еще очень далека отъ того, что спустя пятьдесятъ лѣтъ называли въ Греціи демократіей. Привилегіи по имущественному цензу, установленныя Солономъ, остались въ силѣ и теперь; поэтому впослѣдствіи аѳинскіе олигархіи ставили себѣ цѣлью возвращеніе къ конституціи Клисѳена. Но въ свое время эта реформа представляла значительный прогрессъ и нанесла тяжелый ударъ консервативной аристократической партіи. Послѣдняя не была въ состояніи собственными силами бороться съ демосомъ, которымъ руководилъ Клисѳенъ; поэтому она прибѣгла къ тому же средству, которое незадолго

передъ тѣмъ употребилъ Клисѳенъ противъ Писистратидовъ, именно обратилась за помощью къ Спартѣ.

Дѣйствительно, спартанская олигархія имѣла полное основаніе смотрѣть подозрительно на демократическое развитіе, которое начало обнаруживаться въ только что освобожденной Аттикѣ. Царь Клеоменъ еще разъ предпринялъ походъ въ Аѳины и безъ труда добился изгнанія Клисѳена и его главныхъ приверженцевъ /508/; поводомъ къ этому послужило старое обвиненіе въ святотатствѣ, тяготѣвшее надъ Алкмеонидами еще со времени возстанія Килона. Предводитель консервативной аристократіи Исагоръ, въ качествѣ перваго архонта, сталъ во главѣ предводительства. Но когда одержавшая верхъ партія сдѣлала попытку уничтожить и клисѳеновскую конституцію, демосъ возсталъ: Клеоменъ и Исагоръ были заперты въ крѣпости и уже на третій день вынуждены капитулировать подъ условіемъ свободнаго отступленія. Теперь вернулись Клисѳенъ и осталные изгнанники. Ясно было, впрочемъ, что этимъ успѣхомъ достигнуто очень мало. Если бы Спарта взялась теперь за дѣло серьезно и переправила черезъ Исѳмъ сильное войско, то аттической демократіи, казалось, грозила неминуемая гибель. Въ Греціи не у кого было искать помощи; напротивъ, кромѣ Спарты, Аѳины вели въ это время войну еще со своимъ сильнымъ сосѣдомъ на сѣверѣ, съ беотійскимъ союзомъ, изъ-за Платеи, которая, отложившись отъ Ѳивъ, искала и нашла помощь у Аѳинъ. Поэтому они обратились къ Артафрену, персидскому сатрапу Сардъ; и когда онъ въ на-

граду за свое содѣйствіе потребовалъ подчиненія персидскому царю, аѳинскіе послы, не задумываясь долго, согласились на это требованіе - шагъ, которому народъ впослѣдствіи отказалъ въ ратификаціи, когда миновала опасность со стороны Пелопоннеса.

Между тѣмъ Клеоменъ собралъ войска пелопоннесскихъ союзниковъ и двинулся черезъ границу Аттики до Элевсина, а беотяне и халкидяне въ то же время напали на Аттику съ сѣвера. Но въ пелопоннесскомъ лагерѣ не было большого воодушевленія къ войнѣ, предпринятой для порабощенія Аѳинъ, и именно сильнѣйшій изъ союзныхъ городовъ, Коринѳъ, находившійся тогда въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Аѳинами, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ походѣ. Затѣмъ и второй спартанскій царь Дамаратъ, которому вмѣстѣ съ Клеоменомъ принадлежало главное начальство надъ войскомъ, открыто выступилъ противъ политики своего товарища по власти. Такимъ образомъ, армія разстроилась, и Клеоменъ принужденъ былъ вернуться въ Спарту безъ всякаго успѣха.

Теперь аѳиняне могли безпрепятственно обратить свое оружіе противъ своихъ враговъвъ средней Греціи. На берегу Эврипа беотяне потерпѣли полное пораженіе; еще въ тотъ же самый день побѣдоносное войско перешло на о.Эвбею и одержало рѣшительную побѣду надъ халкидянами. Вслѣдствіе этого Халкида попала въ зависимость отъ Аѳинъ, и часть помѣстій халкидской знати была отдана въ собственность аѳинскимъ колонистамъ. Беотяне же продолжали войну, поддерживаемые Эгиной, флотъ которой опустошалъ

берега Аттики. Решительнаго успѣха не добилась ни одна изъ воюющихъ сторонъ, и наконецъ заключенъ былъ миръ на условіяхъ прежняго владѣнія. Молодая аттическая демократія блистательно доказала свою жизнеспособность.

Сверженіемъ Писистратидовъ закончился періодъ тираніи въ самой Греціи. Въ мало-азіатскихъ городахъ тираны держались еще только искусственно, благодаря поддержкѣ персовъ. Правда, въ Сициліи тиранія именно въ это время достигла высшей точки своего развитія; но и здѣсь ей суждено было пасть уже спустя немного десятилѣтій. Нація уже переросла монархію, борьба между знатью и гражданствомъ была окончена. Но оба эти сословія нашли теперь общаго врага въ массѣ безземельныхъ, которые добивались участія въ государственной жизни. Однако въ ближайшее время всякіе внутреннія раздоры отступили на задній планъ въ виду опасности, которая грозила независимости націи съ востока.

Умственное развитіе отъ Гомера до Персидскихъ войнъ.

Экономическій и умственный прогрессъ взаимно обусловливаютъ другъ друга. Поэтому перемѣна въ экономической жизни націи, происшедшая въ періодъ времени отъ VIII до VI вѣка, должна была произвести переворотъ также въ области греческой мысли, а этотъ переворотъ затѣмъ въ свою очередь повліялъ на экономическія условія и, кромѣ того, далъ сильный толчокъ политическому развитію.

Внѣшнимъ образомъ это умственное движеніе выразилось

прежде всего во введеніи фонетической письменности, которое произошло приблизительно въ VIII вѣкѣ, т.е. въ то время, когда греки начали завязывать болѣе оживленныя сношенія съ востокомъ. Греческій алфавитъ взятъ изъ алфавита сирійскихъ семитовъ; не рѣшено только, перешелъ ли онъ въ Грецію сухимъ путемъ черезъ Малую Азію, или при посредствѣ финикійской морской торговли на Эгейскомъ мо- или, наконецъ, не научились ли греки алфавиту въ портовыхъ городахъ самой Финикіи. Но какъ на все, что они заимствовали съ востока, греки и на письменность наложили печать своего духа. Семитическій алфавитъ имѣлъ знаки только для согласныхъ, т.е. представлялъ собою собственно лишь несовершенное слоговое письмо; лишь греки сдѣла- первый шагъ къ тому, чтобы выражать въ письмѣ и гласные звуки. Для изображенія звуковъ A, E, I, O они воспользовались знаками четырехъ семитическихъ придыхательныхъ, отсутствующихъ въ греческомъ языкѣ; для пятой гласной Y пришлось изобрѣсти новый знакъ, который, былъ заимствованъ, повидимому, изъ малоазійско-кипрскаго слогового письма. Знаки четырехъ семитическихъ шипящихъ звуковъ также не всѣ могли найти примѣненіе; поэтому знакомъ саде (M) или шинъ (Σ, ξ) пользовались для изображенія звука С заин'у придали значеніе сложной согласной Z, а самехъ (Ξ) хотя и былъ принятъ въ алфавитъ, но первое время не употреблял-

---

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.

Приложеніе къ лекціямъ. Листъ 5-ый.

Лит.Богданова. Эртелевъ пер.№ I. Директоръ [signature]

ся въ письмѣ. Оба придыхательныхъ звука Φ и Χ были переданы посредствомъ соотвѣтственныхъ твердыхъ съ приставкой h; для изображенія θ служилъ семитическій тесъ, къ которому также иногда приставлялось еще h.

Составленный такимъ образомъ алфавитъ изъ 23 знаковъ удержался на Критѣ и сосѣднихъ Цикладскихъ островахъ Мелосѣ и Ѳерѣ вплоть до V в. Въ остальной Греціи всюду уже очень рано для изображенія губныхъ придыхательныхъ былъ принятъ знакъ Φ. Отсюда развитіе алфавита пошло затѣмъ двумя путями. Въ азіатской Греціи былъ введенъ для гортанныхъ придыхательныхъ знакъ Χ, самехъ (Ξ) снова былъ принятъ въ письмо въ видѣ ξι, и изобрѣтенъ особый знакъ Ψ для изображенія сложной согласной пс. Этотъ алфавитъ распространился также въ тѣхъ частяхъ европейской Греціи, которыя находились въ особенно тѣсной связи съ Малой Азіей, какъ напр. въ Аттикѣ, на іонійскихъ Цикладахъ, въ Аргосѣ, въ городахъ на Исѳмѣ; только въ Аттикѣ и на Цикладскихъ островахъ не переняли знаковъ для сложныхъ согласныхъ и продолжали писать ΧΣ и ΦΣ. Напротивъ, въ остальной части европейской Греціи для звука χι былъ созданъ знакъ Ψ, тогда какъ Χ получило значеніе ξι, а для ψι вовсе не было введено особаго знака. Кромѣ того, въ письмѣ выработалось, конечно, и не мало мѣстныхъ особенностей, большая часть которыхъ была вызвана стремленіемъ предотвратить смѣшеніе сходныхъ между собою буквъ.

Въ какой именно области Эллады греческій алфавитъ развился изъ семитическаго, — этого мы до сихъ поръ не знаемъ. Вѣроятность говоритъ въ пользу Іоніи, которая нахо-

дилась въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и именно благодаря этому шла впереди всѣхъ остальныхъ частей греческаго міра въ культурномъ развитіи. Здѣсь вѣроятно и было впервые предпринято расширеніе семитическаго алфавита тремя знаками Φ, Χ, Ψ. Какова причина различнаго значенія двухъ послѣднихъ знаковъ въ восточной и западной алфавитныхъ группахъ, мы не можемъ сказать; можетъ быть, сходство іонійскаго ψῖ съ западно-греческимъ χῖ вообще случайно.

Въ Іоніи позднѣе, но все еще въ очень древнюю эпоху, сдѣлано было дальнѣйшее нововведеніе. Такъ какъ іонійское нарѣчіе уже рано перестало пользоваться звукомъ h, то и знакъ для изображенія его сдѣлался излишнимъ; поэтому освободившуюся букву H употребили для обозначенія долгаго ē. Затѣмъ, также въ Іоніи, изъ O была выдѣлена Ω. Однако, пользованіе этими знаками не вышло за предѣлы Іоніи и Цикладскихъ острововъ, пока, начиная съ конца V вѣка, іонійскій алфавитъ не былъ принятъ во всемъ греческомъ мірѣ.

Такъ была создана та основа, на которой зиждется все умственное развитіе Греціи и Европы. Правда, въ началѣ и еще долгое время потомъ новое искусство было достояніемъ немногихъ лицъ. Въ VIII вѣкѣ почти еще совсѣмъ не писали, въ VII — очень мало. Лишь съ VI столѣтія письмо входитъ во всеобщее употребленіе, а литература въ нашемъ смыслѣ слова образовалась не раньше эпохи Персидскихъ войнъ.

Рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ, выразившимся въ принятіи алфавита, шелъ прогрессъ въ области нрав-

ственности. Если гомеровское общество подъ "добродѣтелью" понимало всякаго рода духовныя и физическія преимущества, какъ напр. красоту въ женщинахъ, то съ УII в. это слово начинаетъ принимать значеніе нравственнаго совершенства, хотя, конечно, еще долго употребляется и въ прежнемъ смыслѣ. Согласно съ этимъ, по понятіямъ той эпохи, добродѣтель можетъ быть пріобрѣтена путемъ самосовершенствованія, тогда какъ, по представленіямъ гомеровскаго общества, она есть свободный даръ боговъ. Характерно также, что выше всѣхъ добродѣтелей теперь ставится справедливость. Рядомъ съ нею стоитъ другая добродѣтель - умѣренность, къ которой впервые призываетъ Архилохъ.

Можетъ быть лучшимъ мѣриломъ уровня нравственности во всякую данную эпоху служитъ характеръ господствующаго въ ней права войны. Теперь начинаютъ щадить жизнь побѣжденнаго непріятеля и всегда позволяютъ плѣнникамъ выкупаться. Послѣ побѣды трупы павшихъ непріятелей выдаютъ родственникамъ и заключаютъ перемиріе на время погребенія: прогрессъ въ сферѣ гуманности, первыя проявленія котораго мы находимъ уже въ позднѣйшихъ частяхъ эпоса. Громко ликовать по поводу смерти противника или оскорблять его трупъ въ УII в. считалось неблагороднымъ, и побѣдитель при Платеѣ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе распять трупъ Мардонія, какъ поступили персы съ трупомъ Леонида послѣ битвы при Ѳермопилахъ.

Выше мы уже разсказали, какимъ образомъ безпрерывныя войны между сосѣдними государствами уступили мѣсто мирнымъ отношеніямъ, и какъ строго стали смотрѣть обще-

ственное мнѣніе на морское разбойничество. Самоуправство между гражданами одного и того же государства все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе; кровная месть исчезаетъ и замѣняется государственнымъ уголовнымъ судомъ. Если по первобытнымъ воззрѣніямъ смерть можетъ быть искуплена денежной пеней, то чувство справедливости, которымъ проникнута новая эпоха, могло быть удовлетворено только смертью или пожизненнымъ изгнаніемъ виновника. Поэтому число преступленій противъ личности должно было уменьшиться, и грекъ могъ теперь въ обыденной жизни обходиться безъ меча, который въ гомеровскую эпоху былъ неразлучнымъ спутникомъ мужчины. Впрочемъ, еще въ УI в. доспѣхи служили украшеніемъ мужского отдѣленія во дворцахъ знатныхъ людей.

Женщина уже въ гомеровскую эпоху занимала почетное положеніе, какъ подруга мужа, но обычай покупать невѣстъ унижалъ ее въ правовомъ отношеніи до уровня вещи. Въ теченіе УII в. этотъ старый обычай выходитъ изъ употребленія; дѣвушка получаетъ теперь при выходѣ замужъ приданое и благодаря этому освобождается отъ неограниченной власти мужа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дочь получаетъ право участія въ оставшемся послѣ смерти отца наслѣдствѣ, хотя и въ меньшей долѣ, чѣмъ сыновья. Въ умственномъ движеніи своего времени женщина также принимала большое участіе. Это доказываетъ длинный рядъ поэтессъ, которыхъ далъ УI в.: Сапфо изъ Лесбоса, Миртисъ и Коринна изъ Беотіи, Телезилла изъ Аргоса, Праксилла изъ Сикіона и многія другія.

Правда, на ряду съ этими успѣхами обнаруживаются и

менѣе утѣшительныя явленія. Въ силу сложныхъ соціальныхъ отношеній стала развиваться проституція; уже Солоново законодательство принуждено было обратить на нее вниманіе. Съ востока перешла теперь въ Грецію педерастія, относительно которой у Гомера встрѣчается еще лишь намекъ; общественное мнѣніе относилось къ этому пороку такъ снисходительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на Критѣ, правительство даже покровительствовало ему. Онъ былъ воспѣтъ Ивикомъ и Анакреонтомъ. Какъ общество смотрѣло на подобныя вещи, достаточно характеризуется тѣмъ, что мегарскій поэтъ Ѳеогнидъ со своимъ призывомъ къ добродѣтели обращается именно къ любимому имъ юношѣ Кирну, и что это стихотвореніе сдѣлалось особенно популярнымъ въ греческомъ мірѣ. Наблюдалось и противоположное явленіе - любовь пожилыхъ женщинъ къ красивымъ дѣвушкамъ, хотя по понятнымъ причинамъ этотъ видъ любви достигъ гораздо меньшаго распространенія. Какъ общій обычай, онъ господствовалъ, кажется, только на Лесбосѣ, гдѣ онъ вдохновилъ Сапфо на самыя пламенныя изъ ея пѣсенъ.

Вопросы нравственности занимали въ VII и VI в.в. первое мѣсто между всѣми общественными интересами. Гесіодовы Ἔργα были первымъ опытомъ кодекса нравственности; съ тѣхъ поръ нравственныя нафравленія составляютъ одну изъ главныхъ темъ греческой поэзіи, и даже на пиршествахъ, на ряду съ любовными и застольными пѣснями, пѣли элегіи нравоучительнаго содержанія. Пѣсни Симонида и Пиндара въ честь побѣдителей на національныхъ состязаніяхъ полны нравоученій, которыя по нашимъ понятіямъ здѣсь очень ма-

ло умѣстны, но очевидно соотвѣтствовали вкусамъ той эпохи. А тиранъ Гиппархъ, сынъ Писистрата, велѣлъ написать изреченія нравственнаго содержанія даже на мильныхъ камняхъ, стоявшихъ на большихъ дорогахъ Аттики.

Главными представителями этого направленія впослѣдствіи считали рядъ выдающихся людей, жившихъ въ концѣ УII и началѣ УI вѣка, - такъ наз. семь мудрецовъ: Ѳалеса изъ Милета, Солона изъ Аѳинъ, Біаса изъ Пріены, Питтака изъ Митилены, Клеобула изъ Линда, Періандра изъ Коринѳа и Хилона изъ Спарты; вмѣсто послѣнихъ трехъ называютъ иногда другихъ. Большинство изъ нихъ, вѣроятно всѣ, написали поэтическія произведенія этическаго содержанія. Ихъ изреченія "Познай самого себя", "Все въ мѣру", "Трудно быть честнымъ человѣкомъ" и т.п., написанныя на стѣнахъ дельфійскаго храма, составляли основу народной нравственности грековъ, пока, благодаря, софистическому движенію У в., не возникла научная этика.

Однако до сознанія, что хорошее слѣдуетъ дѣлать ради него самого, греки этой эпохи, и даже семь мудрецовъ, еще не поднялись. Ихъ нравственное ученіе покоится всецѣло на утилитарномъ принципѣ. Гесіодъ предостерегаетъ отъ ложной клятвы на томъ основаніи, что потомство клятвопреступина обчено на гибель. Солонъ желаетъ для себя богатства, но не хотѣлъ бы пріобрѣсти его нечестными средствами, такъ какъ рано или поздно наступаетъ отплата за нечестный поступокъ. Онъ отказался отъ тираніи въ Аѳинахъ, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, за короткое время власти не поплатиться собственной гибелью и гибелью

своего рода. И подобныя соображенія постоянно повторяются въ литературѣ этой эпохи.

Подъ вліяніемъ этого переворота въ нравственныхъ воззрѣніяхъ религіозныя воззрѣнія также стали принимать болѣе чистую форму, такъ какъ религія народа есть ничто иное, какъ отраженіе его культурнаго состоянія. У Гомера боги являются, какъ мы видѣли, въ сущности лишь могущественными властителями міра, которые распредѣляютъ счастіе и несчастіе между смертными по своему произволу, и расположенія которыхъ можно добиться только однимъ путемъ - обильными жертвоприношеніями. Теперь на ряду съ этимъ взглядомъ возникаетъ представленіе о богахъ, какъ охранителяхъ закона и мстителяхъ за всякое преступленіе, и укореняется вѣра, что добродѣтельная жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богоугодная. Не на жертву божество обращаетъ вниманіе, а на то, съ какими мыслями ее приносятъ; въ храмъ нужно вступать не только съ чистымъ тѣломъ, но и съ чистой душой.

Но разъ возникла такая вѣра, нужно было, прежде всего, самихъ боговъ представить себѣ нравственно чистыми, а это было не легко въ виду грубаго антропоморфизма сохранившейся въ эпосѣ миѳологіи. Вѣдь Гомеръ и Гесіодъ разсказывали о такихъ поступкахъ боговъ,которые покрываютъ стыдомъ и позоромъ людей на землѣ, какъ напр. кража и прелюбодѣяніе, ложь и обманъ. Выходъ нашли въ томъ, что объявили ложными тѣ сказанія, которыя оскорбляютъ нравственное чувство, или старались истолковать ихъ аллегорически. Это было, конечно, жалкое средство, и подъ ко-

нецъ этого періода Ксенофанъ и Гераклитъ дошли до отрицанія всей вообще эпической поэзіи, какъ безнравственной. Такія попытки не могли, однако, имѣть большого успѣха, именно потому, что онѣ были слишкомъ радикальны. Гомеръ по прежнему оставался библіей для грековъ, а боги и теперь въ представленіи націи оставались въ общемъ такими же, какими изобразилъ ихъ эпосъ. Пластическое искусство, дававшее народу тѣлесныя изображенія его боговъ, также много способствовало укрѣпленію антропоморфическихъ представленій.

Но эти понятія теперь очищаются. Божеству начинают приписывать всевѣдѣніе и всемогущество, хотя въ массѣ еще долго живутъ прежніе взгляды. Но многобожіе, конечно, не совмѣстимо съ идеей всемогущества каждаго бога въ отдѣльности. Это противорѣчіе по необходимости должно было повести къ развитію религіи въ монотеистическомъ духѣ. Уже у Гомера Зевсъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ боговъ вмѣстѣ; въ послѣ-гомеровскую эпоху этотъ взглядъ все болѣе укореняется въ религіозномъ сознаніи народа. Зевсъ управляетъ міромъ; остальные боги получаютъ власть отъ него, и имъ остается, по крайней мѣрѣ по понятіемъ образованныхъ людей, только исполнять его приказанія. Когда Аполлонъ прорицаетъ, онъ объявляетъ людямъ "непреклонное рѣшеніе Зевса". Аѳина для спасенія своего собственнаго города ничего не можетъ сдѣлать сама, а должна просить заступничества у Зевса. Если по прежнимъ вѣрованіямъ Зевсъ подчинялся власти судьбы, то теперь рокъ отожествляется съ волею Зевса. Такимъ образомъ дошли наконецъ

до того, что правителя міра стали называть просто богомъ, или "божествомъ"; правда, на ряду съ этими выраженіями и въ одинаковомъ съ ними смыслѣ, употребляютъ также и прежнія политеистическія, а часто оба выраженія встрѣчаются рядомъ, въ одномъ и томъ же предложеніи. До истиннаго монотеизма съумѣла возвыситься лишь греческая философія.

Но если божество всемогуще, если оно притомъ охраняетъ нравственный порядокъ на землѣ, то почему же преступленія такъ часто остаются безнаказанными, почему даже добродѣтельная жизнь не можетъ предохранить отъ несчастія? Эти вопросы во всѣ времена занимали теологическую мысль. Древнее ученіе, что кара, которой избѣжалъ самъ преступникъ, постигнетъ его потомковъ, не могло уже удовлетворять нравственное сознаніе въ такое время, когда родственныя узы все болѣе и болѣе ослабѣвали. Поэтому теперь переносятъ въ будущую жизнь тѣ наказанія, которыя не постигли преступника въ этой жизни. Жилище Гадеса, бывшее для гомеровской эпохи лишь царствомъ тѣней, гдѣ души умершихъ - праведныхъ и неправедныхъ - ведутъ одинаковую призрачную жизнь безъ радостей и безъ горя, - становится теперь мѣстомъ расплаты. Зачатки этого представленія находятся уже у самого Гомера, и характерно для грековъ, что, по вѣрованіямъ Иліады, только клятвопреступники должны послѣ смерти нести кару за свои преступленія. Въ Одиссеѣ, правда въ позднѣйшей вставкѣ, описываются муки, которыя переносятъ тамъ, въ подземномъ

царствѣ, Титій, Танталъ и Сисифъ за то, что они здѣсь, на землѣ провинились передъ богами. Такія представленія могли тѣмъ легче получить распространеніе, что царство мертвыхъ уже и безъ того было для каждаго живущаго мѣстомъ страха. Теперь миѳъ постарался нарисовать картину подземнаго міра въ деталяхъ. Перевозчикъ Харонъ перевозитъ души черезъ Ахеронтъ; по ту сторону рѣки, у воротъ царства тѣней, ихъ принимаетъ "мѣдноголосый" Церберъ, собака Гадеса; онъ ласково встрѣчаетъ каждаго входящаго, но никого не выпускаетъ. Въ странѣ мертвыхъ душу терзаютъ страхомъ змѣи и всякаго рода чудовища. Тотъ, кто на землѣ особенно тяжело согрѣшилъ, долженъ лежать въ гніющемъ илѣ. Такимъ образомъ послѣдовательно пришли къ представленію о судѣ надъ мертвыми; судъ первоначально творитъ самъ Гадесъ, царь подземнаго міра. По позднѣйшимъ представленіямъ обязанность судьи была возложена на Миноса, въ примѣненіе къ тому мѣсту Гомера, гдѣ сказано, что Миносъ, такъ же, какъ и остальные умершіе, продолжаетъ въ царствѣ тѣней исполнять то, чѣмъ занимался при жизни. Радамантъ и Эакъ помогаютъ ему въ судѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что здѣсь дѣло идетъ вовсе не о религіозныхъ догматахъ, а о мнѣніяхъ, бывшихъ предметомъ индивидуальной вѣры.

Во всякомъ случаѣ, представленіе о загробномъ возмездіи было достаточно сильно, чтобы произвести глубокое вліяніе на духовную жизнь націи. Если наказаніе было неизбѣжно въ этой или въ той жизни, то нужно было стараться искупить вину, потому что боги доступны примиренію,

какъ сказано уже въ Иліадѣ. Самымъ простымъ средствомъ къ этому была жертва; но чѣмъ глубже становилось религіозное чувство, тѣмъ менѣе можно было довольствоваться такимъ чисто-внѣшнимъ покаяніемъ - особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ преступникомъ тяготѣло убійство. Поэтому къ жертвѣ присоединили еще церемонію очищенія - обрядъ, еще совершенно чуждый Гомеру и упоминаемый впервые въ эпическомъ стихотвореніи Эѳіопидѣ, написанномъ приблизительно около 700 г. Очищеніе можетъ быть совершенно всякимъ, кто самъ чистъ; оно достигается окропленіемъ кающагося кровью жертвеннаго животнаго или проточной водой.

Но и тотъ, кто былъ свободенъ отъ тяжкаго грѣха или искупилъ его, не могъ ждать послѣ смерти ничего другого, кромѣ пребыванія въ видѣ тѣни среди вѣчной тьмы. Въ виду такой безотрадной перспективы явилась потребность въ искупленіи. Уже Гомеръ воспѣлъ Елисейскія поля, гдѣ на краю земли, вдали отъ зимнихъ бурь, обвѣваемый тихимъ Зефиромъ, жилъ въ вѣчномъ блаженствѣ бѣлокурый Радаманѳъ, и куда былъ также помѣщенъ Менелай, зять Зевса. По позднѣйшему сказанію туда приходятъ и другіе герои, какъ Ахиллесъ и Діомедъ. Однако тѣмъ, что они попали туда, они были обязаны не своимъ заслугамъ, а милости боговъ; отсюда вывели заключеніе, что эта милость можетъ быть оказана и другимъ смертнымъ. Средство, чтобы заслужить ее, нашли въ священныхъ таинствахъ, мистеріяхъ. Онѣ, конечно, стояли въ связи съ культомъ боговъ земли, Деметры, ея дочери и Діониса. Изъ многочисленныхъ городовъ, гдѣ

справлялись мистеріи, наибольшее значеніе пріобрѣлъ, благодаря своему политическому союзу съ Аѳинами, Элевсинъ. Священнодѣйствіе, которое совершалось здѣсь ежегодно осенью, состояло въ мистическомъ представленіи, содержаніемъ котораго были страданія Деметры послѣ похищенія Персефоны Гадесомъ и возвращеніе дочери къ богинѣ. При этомъ пѣлись пѣсни, которыя объясняли значеніе церемоніи и сулили зрителямъ блаженную жизнь послѣ смерти. Къ посвященію въ эти мистеріи допускался каждый, кто желалъ этого: туземецъ и иностранецъ, мужчина и женщина, свободный и рабъ. Въ противоположность древнимъ культамъ, эта религія не признавала никакихъ привилегій.

Этой же потребности въ искупленіи обязана была своимъ возникновеніемъ орфическая секта, получившая въ УI в. широкое распространеніе. Самымъ знаменитымъ представителемъ ея былъ аѳинянинъ Ѳономакритъ, который находился въ тѣсной дружбѣ съ сыновьями Писистрата и позднѣе раздѣлилъ съ ними изгнаніе. Новая вѣра имѣла свои священныя писанія, авторомъ которыхъ былъ, по преданію, ѳракійскій пѣвецъ Орфей, сынъ музы Калліопы и Мусея, сына Селены. Въ нихъ была развита совершенно своеобразная миѳологія, въ которой главную роль игралъ Загрей /"Мощный охотникъ"/ сынъ Зевса и Персефоны, повелитель мертвыхъ. Далѣе, орфики вѣрили въ переселеніе душъ и учили что наша душа въ наказаніе за совершенныя въ прошедшей жизни преступленія подвергается заточенію въ тѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія употребленіе животной пищи должно было казаться каннибализмомъ, и кровавыя жертвы были исключены изъ культа.

Такимъ образомъ, истинная жизнь начиналась для орфиковъ лишь за гробомъ; средствами для достиженія тамъ блаженства были, на ряду съ нравственно-чистой жизнью, строгое доходившее подчасъ до аскетизма соблюденіе обрядовыхъ предписаній, но главнымъ образомъ умилоствленіе боговъ при помощи религіозныхъ таинствъ, доступное каждому вѣрующему. Этимъ церемоніямъ приписывали даже силу избавлять умершихъ отъ мукъ Тартара. Странствующіе жрецы, часто весьма сомнительной нравственности, переходили изъ города въ городъ и проповѣдовали свое ученіе, которое дѣйствительно имѣло много послѣдователей.

Подобныя же цѣли преслѣдовалъ и современникъ Ономакрита, самосецъ Пиѳагоръ. Онъ также принялъ догматъ переселенія душъ со всѣми его послѣдствіями, а предписанные имъ богослужебные обряды имѣли много общаго съ обрядами орфиковъ. Но онъ былъ не только религіознымъ реформаторомъ, но и однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени; поэтому темная орфическая миѳологія не могла удовлетворять его. Въ основанной имъ школѣ ревностно изучали математику и астрономію, и весьма вѣроятно, что толчокъ къ этому данъ былъ самимъ основателемъ. Знаменитое ученіе о числахъ, на которомъ построена была система позднѣйшихъ пиѳагорейцевъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ чертахъ принадлежало, вѣроятно, самому Пиѳагору. Но на его родинѣ, въ Іоніи, это ученіе встрѣтило мало сочувствія. Поэтому онъ удалился на западъ и основалъ тамъ, въ ахейскихъ колоніяхъ, расположенныхъ при Тарентскомъ заливѣ, тайный религіозный союзъ, къ которому ско-

ро примкнула большая часть знати, и который, благодаря тѣсному единенію своихъ членовъ, былъ въ состояніи даже захватить въ свои руки политическую власть въ Кротонѣ и Метапонтѣ и удержать ее на продолжительное время.

Въ такую религіозно-настроенную эпоху особенно важное значеніе должно было пріобрѣсти узнаваніе воли божества. Древнее гаданіе по полету птицъ, какъ оно производилось въ гомеровскій періодъ, не могло удовлетворять этой потребности. Уже въ гимнѣ къ Гермесу говорится, что не по всякому появленію птицъ можно узнать судьбу; точно такъ же и Гесіодъ, подобно гомеровскому Гектору, сомнѣвается въ значеніи искусства прорицанія. Стали искать болѣе вѣрный методъ и нашли его въ гаданіи по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Угодными жертвами для божества были только совершенно безпорочныя животныя; поэтому, если при закланіи оказывалось, что внутренности животнаго представляютъ какія-нибудь отклоненія отъ нормы, цѣль жертвоприношенія считалась недостигнутой; отсюда естественно было заключить, что божество вообще не одобряетъ предпріятія, при началѣ котораго была принесена ему данная жертва. Это было важное открытіе, такъ какъ этотъ способъ имѣлъ то преимущество, что имъ можно было пользоваться во всякое время и что исключалось всякое сомнѣніе относительно воли божества. Поэтому гаданіе по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, еще совершенно неизвѣтное Гомеру и Гесіоду, ко времени Персидскихъ войнъ было уже во всеобщемъ употребленіи и достигло высокаго развитія.

Рука объ руку съ этимъ искусствомъ шло развитіе оракуловъ. Вся Греція покрылась мѣстами прорицанія, между которыми Додона и Дельфы уже рано пріобрѣли славу наиболѣе священныхъ мѣстъ; это единственные оракулы, упоминаемые Гомеромъ. Изъ всѣхъ частей греческаго міра и даже изъ сосѣднихъ варварскихъ странъ стекались сюда вѣрующіе, чтобы узнать волю божества. Богъ вѣщалъ свою волю или при помощи знаменій, каковы шелестъ священныхъ дубовъ, сновидѣнія, горѣніе жертвеннаго пламени, случайность жребія, - или посредствомъ изреченій, произносимыхъ жрецами и жрицами въ состояніи религіознаго экстаза и затѣмъ облекаемыхъ "пророками" въ соотвѣтствующую форму. При этомъ дѣло шло вовсе не о предсказаніи будущаго - что очень скоро дискредитировало бы оракула, - а скорѣе о наставленіяхъ для практической жизни, и прежде всего о разъясненіи религіозныхъ церемоній, при помощи которыхъ можно было пріобрѣсти расположеніе боговъ или искупить совершенное преступленіе. Такимъ образомъ оракулы служили въ общемъ той же цѣли, какъ и мистеріи и очистительныя жертвы, т.е. успокоенію совѣсти и нравстенному воспитанію народа. Кто заходилъ въ своихъ вопросахъ слишкомъ далеко, тотъ долженъ былъ довольствоваться двусмысленнымъ и обманчивымъ отвѣтомъ. Особенно дельфійскій оракулъ пріобрѣлъ значеніе высшаго авторитета по всѣмъ религіознымъ и этическимъ вопросамъ; а при тѣсной связи, какая существовала между религіею и государственною жизнью, оракулъ не лишенъ былъ также извѣстнаго политическаго вліянія, которое, впрочемъ, всегда было очень

ограничено. Что Дельфы при этомъ служили иногда орудіемъ въ рукахъ наиболѣе вліятельныхъ государствъ средней Греціи, что временами даже подкупъ прокладывалъ себѣ дорогу къ пиѳіи и ея пророкамъ - все это вытекаетъ изъ самаго характера учрежденія и повторялось при подобныхъ условіяхъ во всѣ времена.

Отвѣты оракуловъ, какъ непосредственныя проявленія божественной воли, имѣли значеніе не только для тѣхъ, къ кому они были обращены, но могли служить нравственнымъ руководствомъ и вообще для всякаго вѣрующаго. Поэтому уже рано начали составляться и достигли обширнаго распространенія сборники подобныхъ изреченій. Правда, при этомъ не обошлось безъ благочестиваго обмана и не мало оракуловъ было подделано изъ чисто мірскихъ побужденій. На ряду съ изреченіями оракуловъ существовали также сборники изреченій, принадлежавшихъ святымъ мужамъ древности, какъ напр. беотійскому прорицателю Бакису. Были люди, которые дѣлали себѣ ремесло изъ того, что заучивали такія изреченія на память и, переходя изъ города въ городъ, за небольшое вознагражденіе дѣлились съ вѣрующими своею мудростью. Они же отчасти занимались и распространеніемъ орфическаго ученія. Это доставляло имъ хорошій заработокъ, хотя образованная часть общества относилась къ нимъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ.

---

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.

Приложеніе къ лекціямъ. Листъ 6-ой.

Лит.Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

Не было, конечно, недостатка и во внѣшнихъ проявленіяхъ благочестія. На религіозныя нужды въ эту эпоху было издержано больше, чѣмъ на всѣ остальныя потребности государства вмѣстѣ. Въ особенности постройка храмовъ поглотила, вѣроятно, огромныя суммы. Теперь уже не довольствовались тѣмъ, чтобы, по обычаю предковъ, поклоняться богамъ въ священныхъ рощахъ и приносить имъ жертвы на алтаряхъ, воздвигнутыхъ подъ открытымъ небомъ; богъ долженъ былъ имѣть свой домъ, подобно тому какъ царь или знатный аристократъ имѣлъ свой дворецъ. Начиная съ УII в. такія зданія возвышались въ кремляхъ и вблизи рынковъ во всѣхъ греческихъ городахъ. Вошло въ обычай десятую долю дохода въ промышленныхъ или торговыхъ предпріятій и военной добычи посвящать богамъ, большею частью въ видѣ какого-нибудь художественнаго произведенія, которое доставило бы божеству удовольствіе. Такимъ образомъ храмы наполнились драгоцѣнными дарами, а дельфійское и олимпійское святилища скоро не могли уже вмѣстить всю массу накопившихся даровъ, и пришлось построить вблизи храма длинный рядъ сокровищницъ. Одни только подарки, пожертвованные Крезомъ въ Дельфы, оцѣнивались, по преданію, приблизительно въ 200 эвбейскихъ золотыхъ талантовъ.

Соотвѣтственно этому празднества въ честь боговъ устраивались съ постоянно возраставшимъ великолѣпіемъ. Въ храмъ шли торжественной процессіей, при участіи всѣхъ должностныхъ лицъ и войска; затѣмъ совершали гекатомбу изъ отборныхъ животныхъ, за которой слѣдевали гимнастическія состязанія, хоровые танцы и музыкальныя предста-

вленія. На празднества болѣе значительныхъ городовъ, какъ напр. Карнеи, Гіакинѳіи, Гимнопедіи въ Спартѣ, Панаѳинеи и Діонисіи въ Аѳинахъ, стекались зрители со всѣхъ концовъ Греціи. Но всѣ эти мѣстныя празднества отступали на задній планъ передъ четырьмя большими національными праздниками, которые устраивались въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Коринѳскомъ перешейкѣ и въ Немейской долинѣ. Кажется, что раньше всѣхъ, уже въ VII вѣкѣ, пріобрѣли всеобщую славу Олимпіи, которыя вплоть до эллинистическаго періода занимали первое мѣсто межу всѣми греческими празднествами. Черезъ каждые 4 года, послѣ середины лѣта, въ священной рщѣ Альтиса на берегу Алфея, въ области города Писы, приносилась жертва олимпійскому Зевсу, за которой слѣдовали гимнастическія состязанія и бѣга на колесницахъ. Въ Дельфахъ первоначально происходили только музыкальныя состязанія; послѣ такъ назыв. священной войны, около 590 г., амфиктіоны преобразовали дельфійское празднество и, по примѣру олимпійскихъ игръ, ввели здѣсь и гимнастическія состязанія. Это празднество устраивалось также разъ въ четыре года, именно въ концѣ лѣта третьяго года каждой олимпіады, такъ что олимпійскія и пиѳійскія празднества чередовались другъ съ другомъ черезъ каждые два года. Исѳмійскія игры по преданію стали національными въ 580 г., немейскія - съ 573 г.; однако игры на Исѳмѣ существовали уже въ эпоху Солона, и само собою разумѣется, что признаніе такого празднества цѣлой націей должно было быть результатомъ продолжительнаго развитія. Здѣсь также на ряду съ гимнастическими состязаніями происходи-

ли музыкальныя. Впрочемъ, исемійскія и немейскія игры никогда не достигли того значенія, которымъ пользовались олимпійскія и дельфійскія празднества, тѣмъ болѣе, что они праздновались черезъ каждые два года и, слѣдовательно, здѣсь гораздо легче было одержать побѣду.

Побѣду на одномъ изъ этихъ національныхъ празднествъ общество VI и еще V вѣка считало высшею честью, какая только могла выпасть на долю грека; эта честь переходила и на родъ, и на городъ, къ которымъ принадлежалъ побѣдитель, и память объ этомъ событіи тщательно сохранялась. Хотя непосредственной наградой былъ лишь зеленый вѣнокъ, но отдѣльныя общины заботились и о матеріальномъ вознагражденіи, - напримѣръ законодательство Солона опредѣляло для побѣдителя на олимпійскихъ играхъ значительный по тому времени призъ въ 500 драхмъ, а для побѣдителя на исемійскихъ играхъ призъ въ 100 драхмъ. Сюда присоединялись пожизненные обѣды на государственный счетъ въ буле и всякаго рода другія почести, какъ напр. право поставить свою статую въ священной области того божества, на праздникѣ котораго одержана была побѣда. Это должно было съ теченіемъ времени повести къ образованію класса профессіональныхъ атлетовъ; да и помимо этого было вопіющею несправедливостью, что человѣка, который верхомъ или на парѣ лошадей въ Олимпіи или Дельфахъ первый пришелъ къ цѣли, чествовали какъ благодѣтеля націи.

Для того, чтобы эти празднества достигали цѣли, ради которой они были установлены, т.е. чтобы они дѣйствитель-

не доставляли богамъ удовольствіе, первымъ условіемъ было устраивать ихъ въ опредѣленное время. Это повело къ упорядоченію календаря. Всякое лѣтоисчисленіе имѣетъ своей исходной точкой движеніе солнца и луны, и уже Гомеръ говоритъ о годахъ и мѣсяцахъ, но названіе мѣсяца встрѣчается лишь въ Гесіодовыхъ Ἔργα, написанныхъ въ VII вѣкѣ. Эти названія обыкновенно заимствованы отъ главнѣйшихъ празднествъ соотвѣтствующаго мѣсяца; а такъ какъ каждая греческая область, даже почти каждый городъ, имѣли свои особыя празднества, то одни и тѣ же мѣсяцы въ разныхъ частяхъ греческаго міра носили самыя различныя названія. Затѣмъ, уже рано должны были обратить вниманіе на то, что солнечный годъ не дѣлится на опредѣленное число лунныхъ мѣсяцевъ. Сначала думали найти выходъ изъ этого затрудненія, считая попеременно одинъ годъ въ 12, другой въ 13 мѣсяцевъ; но такъ какъ при этой системѣ, такъ наз. тріетеридѣ, за каждые восемь лѣтъ набиралось около одного лишняго мѣсяца, то уже очень рано должны были замѣтить, что счетъ по мѣсяцамъ не совпадаетъ съ временами года. Для избѣжанія этого неудобства установленъ былъ восьмилѣтній циклъ, такъ наз. октетерида; эта система состояла въ томъ, что изъ каждыхъ 8 лѣтъ 5 считали по 12 мѣсяцевъ, остальные три - по 13. Такое рѣшеніе задачи, состоявшей въ томъ, чтобы связать солнечный годъ съ луннымъ мѣсяцемъ, вполнѣ удовлетворяло всѣмъ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ сравнительно съ временами года календарь уходилъ впередъ лишь въ 160 лѣтъ на одинъ мѣсяцъ, и такая разница должна была оставаться незамѣтной на протяженіи

многихъ поколѣній. Въ зависимости отъ этого цикла олимпійскія и дельфійскія празднества устраивались черезъ промежутки въ 4 года. Гораздо легче было опредѣлить продолжительность самого луннаго мѣсяца, такъ какъ нужно было лишь наблюдать небо, чтобы знать, когда наступаетъ новолуніе. Такимъ образомъ очень скоро должны были замѣтить, что начало календарнаго мѣсяца опережало дѣйствительное новолуніе, если 30-дневные и 29-дневные мѣсяцы просто чередовались другъ съ другомъ, и что необходимо было время отъ времени вставлять одинъ день. Это долго дѣлалось чисто эмпирически; наконецъ, около конца УІІ в. восьмилѣтній циклъ былъ твердо установленъ дельфійскими жрецами, и этотъ календарь былъ въ 594 г. введенъ Солономъ въ Аѳинахъ, гдѣ онъ оставался въ силѣ до эпохи Пелопоннесской войны.

Греки гомеровскаго времени, при несложныхъ условіяхъ ихъ жизни, не чуствовали еще никакой потребности считать годы. Когда затѣмъ начали давать въ помощь царямъ ежегодно смѣняемыхъ выборныхъ чиновниковъ, или вовсе замѣнять ихъ такими должностными лицами, тогда возникъ обычай обозначать каждый годъ именемъ того высшаго чиновника, который въ теченіе этого года управлялъ дѣлами государства. А такъ какъ около того же времени письмо вошло во всеобщее употребленіе, то скоро перешли къ составленію списковъ этихъ должностныхъ лицъ въ хронологическомъ порядкѣ. Это произошло, какъ мы видѣли, - въ Спартѣ, по преданію, уже около середины УІІІ в., въ Аѳинахъ - въ началѣ УІІ в.; можно предположить, что тогда же или нѣ-

сколько позже и большинство остальныхъ государствъ ввело у себя подобные списки. Такимъ образомъ каждая греческая община имѣла свою особую эру, и это не измѣнилось впослѣдствіи; до общаго для всей націи лѣтосчисленія греки вообще никогда не дошли. Счисленіе по олимпіадамъ нашло себѣ примѣненіе только въ наукѣ, да и то не раньше III в.

Идеи новаго времени должны были выразиться также въ характерѣ литературы и искусства. Не то, чтобы прежніе идеалы были теперь забыты. Напротивъ: великія эпопеи еще надолго сохранили первое мѣсто въ расположеніи народа, и даже именно теперь, когда оживленныя торговыя сношенія привели отдѣльныя племена въ болѣе тѣсное соприкосновеніе, онѣ сдѣлались достояніемъ всей націи. Изъ Іоніи пѣсни Гомера перешли въ метрополію, а отсюда распространились въ западныхъ колоніяхъ. Ихъ теперь не пѣли уже, какъ въ старину, подъ аккомпаниментъ киѳары во дворцахъ знатныхъ людей; странствующіе пѣвцы - рапсоды - переходили изъ города въ городъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, и въ праздничный день на рынкѣ читали народу отрывки эпическихъ произведеній. Такимъ образомъ ихъ содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ каждому греку, и вскорѣ пластическое искусство начинаетъ черпать свои сюжеты изъ Гомера. Дельфійскій оракулъ давалъ свои изреченія въ эпическомъ размѣрѣ и эпическимъ слогомъ; на томъ же языкѣ писалъ свои военныя пѣсни Тиртей въ концѣ VII в. Да и самое эпическое творчество еще далеко не прекратилось. Большіе отрывки Одиссеи возникли, какъ мы видѣли лишь въ VII ст., а изъ эпическихъ стихотвореній такъ наз.

"цикла" большая часть была сложена также, вѣроятно, только въ этомъ столѣтіи, а нѣкоторыя даже едва ли раньше VI в. Однако древніе образцы теперь оказываются недосягаемыми. Уже Одиссея не можетъ сравниться съ Иліадой по поэтическимъ достоинствамъ, и хотя изъ позднѣйшихъ эпопей до насъ дошли лишь скудные отрывки, однако отзывъ древнихъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ стояли еще ниже Одиссеи. Вѣкъ героической пѣсни прошелъ безвозвратно.

За то теперь возникаетъ пародическій эпосъ. Такого рода эпизодъ вплетенъ уже въ нашу Одиссею, именно разсказъ объ Афродитѣ, которая обманываетъ своего супруга Гефеста и которую при этомъ застигаютъ вмѣстѣ съ ея возлюбленнымъ Ареемъ. Большой популярностью пользовалось эпическое стихотвореніе о приключеніяхъ Маргита, который все, за что онъ брался, дѣлалъ на выворотъ и въ брачную ночь не зналъ, что дѣлать со своей молодой женой, пока послѣдняя сама не наставила его на правый путь. Авторомъ этого стихотворенія считался Гомеръ; во всякомъ случаѣ оно возникло въ Іоніи, приблизительно въ первыя десятилѣтія VII в. Къ гораздо болѣе позднему времени относится дошедшая до насъ "Война мышей и лягушекъ", пародія на войну изъ-за Трои, написанная гомеровскими стихами.

Одновременно развился и генеалогическій эпосъ, первоначально вызванный къ жизни потребностью внести систему и порядокъ въ безчисленное множество накопившихся миѳовъ. Зачатки такихъ стремленій обнаруживаются уже у Гомера; но полнаго развитія это направленіе достигаетъ въ поэти-

ческой школѣ Гесіода. Κατάλογος γυναικῶν и Ἠοῖαι повѣствовали о судьбахъ тѣхъ греческихъ женщинъ, съ которыми боги вступали въ любовную связь, и перечисляли ихъ потомковъ, отъ которыхъ вели свое происхожденіе греческіе знатные роды. Въ аристократическомъ обществѣ, какимъ было греческое въ VII и особенно въ VI в., успѣхъ такихъ стихотвореній былъ обезпеченъ; и, дѣйствительно, въ этомъ періодѣ возникъ безконечный рядъ подобныхъ произведеній, каковы, напр., Навпактіи, сходныя по содержанію съ гесіодовскимъ спискомъ женщинъ, Форонида и Данаида, разсказывавшія аргивскіе миѳы, Генеалогіи Эвмела коринѳскаго, Асія самосскаго и многія другія. Само собою разумѣется, что поэтическое достоинство этихъ произведеній было въ большинствѣ случаевъ совершенно ничтожно; но такъ какъ читающей публики въ то время еще не было, и всѣ знанія распространялись только путемъ устной передачи, то поневолѣ приходилось облекать эти прозаическіе сюжеты въ форму эпическаго стиха.

Такой же обработкѣ подвергались и миѳы о богахъ. Самую знаменитую попытку въ этомъ родѣ представляетъ Ѳеогонія Гесіода, произведеніе VII в., которое въ существенномъ стоитъ на почвѣ народной религіи. Совершенно другое направленіе приняла богословская мысль въ VI в. Такъ, орфики учили, что въ началѣ была ночь; она произвела на свѣтъ серебряное міровое яйцо, изъ котораго родился сіяющій богъ Эротъ или Фанесъ, создавшій и приведшій въ порядокъ міръ, между тѣмъ какъ изъ скорлупы яйца произошли небо, море и земля. Эротъ съ Ночью произвели на свѣтъ

Океанъ и Тефію; дѣти послѣднихъ - Кроносъ и Рея вмѣстѣ съ остальными титанами; затѣмъ слѣдуетъ, какъ и въ гесіодовой Феогоніи, Зевсъ. Его сынъ отъ Персефоны - Діонисъ-Загрей, котораго титаны растерзали, а Зевсъ снова вернулъ къ жизни. Приблизительно таково же было, повидимому, содержаніе Феогоніи Эпименида критскаго, жреца и прорицателя, который и вообще придерживался ученія орфиковъ, и въ особенности требовалъ воздержанія отъ мясной пищи. Еще болѣе удалился отъ народныхъ вѣрованій Ферекидъ сирскій /въ концѣ VI ст./ въ своемъ сочиненіи "О міровомъ зданіи и его пяти частяхъ". Зевсъ и Кроносъ /время/ и Хѳонія /богиня подземнаго міра/ - училъ онъ - жили вѣчно; Хѳонію называли также Землей, такъ какъ Зевсъ подарилъ ей землю. И Зевсъ приготовилъ большую и прекрасную ткань и выткалъ на ней Землю и Океанъ и жилище Океана. Эту ткань онъ растянулъ надъ крылатымъ міровымъ деревомъ. Подъ нею находится область Тартара; здѣсь живутъ дочери Борея, Гарпіи и Ураганъ; сюда Зевсъ низвергаетъ согрѣшившихъ боговъ. Мы видимъ, какъ въ миѳологическихъ образахъ здѣсь преподаются монотеистическія ученія. Ферекидъ также первый сбросилъ поэтическую оболочку и излагалъ свое ученіе въ простой прозаической формѣ. Такимъ образомъ, мы стоимъ здѣсь на рубежѣ миѳологическаго и философскаго мышленія.

Между тѣмъ успѣхи музыки открывали новые пути для поэзіи. Въ то время, когда складывался эпосъ, греки знали лишь одинъ инструментъ - арфу. Приблизительно около 700 года отъ мало-азіатскихъ и ѳракійскихъ варваровъ перешелъ

въ Грецію кларнетъ, или, какъ обыкновенно переводятъ соответствующее греческое слово - флейта. Введеніе новаго инструмента произвело переворотъ въ греческой музыкѣ; на ряду съ древне-національнымъ тономъ - "дорическимъ", какъ его по прежнему называли, теперь вошли въ употребленіе фригійскій и лидійскій тоны. Затѣмъ, если до сихъ поръ игра на арфѣ служила исключительно для аккомпенимента пѣнію, то игра на флейтѣ явилась чисто инструментальной музыкой, пока въ представленіи не начали принимать участіе нѣсколько человѣкъ. Греки, желавшіе для всего имѣть творца, приписывали изобрѣтеніе этой такъ наз. авлетики фригійцу Олимпу.

Однако пѣніе и инструментальная музыка были такъ неразрывно связаны въ сознаніи греческаго народа, что одна авлетика не могла долго удовлетворять его музыкальной потребности. Поэтому скоро и новымъ инструментомъ стали пользоваться для аккомпанимента пѣнію. "Авлетика" развилась въ "авлэдику". При этомъ оказалось необходимымъ видоизмѣнить размѣръ эпическаго стиха соответственно характеру флейты. Въ началѣ держались по возможности близко къ употреблявшемуся ранѣе размѣру; въ шестистопномъ двустишіи второй стихъ былъ превращенъ въ пентаметръ посредствомъ опущенія обоихъ короткихъ слоговъ вслѣдъ за мужской цезурой и послѣдняго слога; такимъ образомъ создано было элегическое двустишіе, которое получило такое же значеніе, въ композиціяхъ для флейты, какое гексаметръ имѣлъ въ композиціяхъ киеары.

Это нововведеніе должно было отразиться также на киеаредикѣ. Звучность киеары, или, какъ ее теперь обыкновен-

но называли, лиры, была усилена тѣмъ, что число струнъ
увеличили съ четырехъ до семи; это усовершенствованiе
впослѣдствiи приписывали лесбосцу Терпандру. Оно дало
возможность исполнять на лирѣ мелодiи, даже не сопрово-
ждая ихъ пѣнiемъ. Такимъ образомъ на ряду съ киѳаредикой
возникла киѳаристика, творцомъ которой называютъ аргосца
Аристоника, который, по преданiю, также жилъ еще въ VIIв.

Въ искусство музыка развилась прежде всего на службѣ
культу, и особенно культу Аполлона, который больше всѣхъ
божествъ покровительствовалъ музыкальнымъ искусствамъ.
Въ самомъ дѣлѣ, обычай чествовать боговъ гимнами восхо-
дитъ до самой отдаленной древности. На ряду съ этими
старыми пѣснями, при которыхъ пѣнiе текста отодвигало на
заднiй планъ аккомпаниментъ инструмента, теперь на праз-
днествахъ въ честь боговъ стали исполнять музыкальныя
произведенiя, причемъ рядомъ съ игрой на инструментѣ
текстъ имѣлъ лишь небольшое значенiе, или даже совершен-
но отсутствовалъ. Такiя мелодiи называли "номами". Эта
религiозная музыка была особенно распространена въ Спар-
тѣ, которая, благодаря завоеванiю Мессенiи, около конца
VIII и начала VII в. сдѣлалась одной изъ первыхъ грече-
скихъ державъ, - въ городѣ, "гдѣ процвѣтаютъ копья юно-
шей и пѣсни музъ, гдѣ царствуетъ справедливостѣ, мать
великихъ подвиговъ", какъ говорится въ одномъ стихотво-
ренiи той эпохи. Со всѣхъ концовъ стекались сюда музы-
канты. Здѣсь, по преданiю, жилъ Терпандръ, отъ котораго
велъ свое происхожденiе самый извѣстный родъ спартанских
пѣвцовъ, и который считался творцомъ киѳарэдiйскаго "но-

ма". Нѣсколько позднѣе еиванецъ /или тегеатъ/ Клонасъ изобрѣлъ по преданію авлэдійскій номъ, который затѣмъ былъ усовершенствованъ Полимнестомъ, или какъ его называли въ гоавномъ мѣстѣ его дѣятельности, въ Спартѣ, Полимнастомъ изъ Колофона /около 600 г./. Но всѣхъ другихъ музыкантовъ этой эпохи затмилъ Сакадасъ изъ Аргоса, который три раза подрядъ бралъ призъ на дельфійскихъ играх /582, 578, 574/. Большою извѣстностью пользовался особенно его "пиѳійскій номъ", мотивъ для флейты безъ пѣнія, содержаніемъ котораго была борьба Аполлона съ пиѳійскимъ дракономъ. Эти музыканты произвели переворотъ въ музыкѣ введеніемъ звуковъ, чуждыхъ гаммѣ, - такъ наз. "энгармоническаго діэза", т.е. повышеніемъ звуковъ діатонической скалы на 1/4, 1/3 или 3/8 цѣлаго тона; новѣйшая музыка, какъ извѣстно, уже пользуется этими тонами, но въ греческой музыкѣ классической эпохи они играли очень выдающуюся роль. Въ этомъ періодѣ были изобрѣтены также ноты для инструментовъ.

Такъ были созданы художественныя формы, въ которыхъ поэзія могла выражать идеи новой эпохи. Во главѣ всего этого движенія стоитъ Архилохъ Паросскій, около середины УII ст. Въ его пѣсняхъ передъ нами какъ бы непосредственно открывается новый міръ. Здѣсь впервые появляется субъективность въ поэзіи, и Архилохъ - первый грекъ, кото[рый] какъ живой человѣкъ, стоитъ передъ нами во всей своей индивидуальности. Онъ пѣлъ обо всемъ, что волновало его въ жизни: о своей любви къ прекрасной Необулѣ на паросской родинѣ, какъ и о своихъ военныхъ поѣздкахъ по дикой

Ѳракіи; съ полной откровенностью выражалъ онъ свои страсти, и язвительной насмѣшкой преслѣдовалъ своихъ враговъ. Если онъ и не былъ музыкальнымъ новаторомъ, то вполнѣ усвоилъ себѣ успѣхи, сдѣланные музыкой незадолго до его времени. Онъ пренебрегъ эпическимъ гексаметромъ и вернулся къ размѣрамъ народной поэзіи - къ ямбу и трохею, которые употреблялъ въ самыхъ разнообразныхъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, Архилохъ указалъ путь позднѣйшей греческой поэзіи и древность справедливо поставила его на ряду съ Гомеромъ.

Послѣдователями Архилоха въ изобрѣтенной имъ ямбической сатирѣ были его младшій современникъ Симонидъ изъ Аморга и, во второй половинѣ VI ст., эфесянинъ Гиппонаксъ, который для своихъ подчасъ грубыхъ инвективъ изобрѣлъ особый размѣръ - хромой ямбъ /холіямбъ/. Эсопъ, который, по преданію, былъ рабомъ и жилъ на Самосѣ около половины этого же вѣка, продолжалъ разработку животной басни, введенной въ литературу уже Архилохомъ. Особенно широкое распространеніе получила элегія. Каллинъ изъ Эфеса, современникъ Архилоха, былъ, повидимому, первымъ поэтомъ, который сочинялъ въ этомъ размѣрѣ военныя пѣсни; по его стопамъ пошли лакедемонянинъ Тиртей и Мимнермъ изъ Смирны, жившіе на рубежѣ VII и VI ст. Тотъ же Тиртей и его младшій современникъ Солонъ съ успѣхомъ пользовались элегическимъ размѣромъ для проведенія въ общество своихъ политическихъ взглядовъ. Далѣе, Мимнермъ, такъ ввелъ въ этотъ родъ поэзіи ту тему, которою элегія позже почти исключительно ограничивалась, - любовь. Въ собраніи эле-

гій, посвященныхъ гетерѣ Нанно, онъ воспѣвалъ радости и муки любви и такъ быстро исчезающую красоту и молодость. Охотно пользовались поэты этимъ размѣромъ и для выраженія этическихъ размышленій напр., Солонъ и жившій въ эпоху Персидскихъ войнъ мегарянинъ Феогнидъ, нравоученія котораго, обращенныя къ его молодому другу Кирну, имѣли большой успѣхъ и съ теченіемъ времени обратились въ школьную книгу.

Наконецъ, поэзія совершенно освободились отъ гнета условности, тяготѣвшаго еще и надъ элегіей. Лесбосскіе поэты Алкей и Сапфо, жившіе около середины УI в., пѣли въ простыхъ, большею частью четырехстрочныхъ строфахъ на эолійскомъ нарѣчіи своей родины. Въ это в ремя въ Митиленѣ между народомъ и аристократіей шла ожесточенная борьба, въ которой Алкей принималъ живое участіе на сторонѣ знати; поэтому первое мѣсто между его стихотвореніями, на ряду съ застольными пѣснями, занимаютъ политическія пѣсни. Сапфо, как истинная женщина, пѣла почти только о любви. Правда, мы не должны прикладывать къ ней мѣрку нашихъ нравственныхъ воззрѣній. Всѣ ея любовныя стихотворенія обращены къ красивымъ дѣвушкамъ, и пламенная страстность рѣчи показываетъ, что дѣло идетъ вовсе не о платоническихъ чувствахъ. Но именно это дѣлаетъ Сапфо величайшей поэтессой всѣхъ временъ. И рядомъ съ этой жгучей страстью стоитъ нѣжное женственное чувство, выражающееся особенно въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя она сочиняла для своихъ молодыхъ подругъ. Тѣ же цѣли преслѣдовалъ ея современникъ, уроженецъ Теоса Анакреонъ, кото-

рый долго жилъ при дворѣ самосскаго тирана Поликрата, а позже - въ Аѳинахъ при дворѣ Гиппія. Но ему недоставало мужественной силы Алкея. Вся его поэзія посвящена любви и вину, особенно любви къ красивымъ мальчикамъ. Онъ также пѣлъ въ безыскусственныхъ строфахъ на языкѣ своей родины, и его удобопонятный іоническій діалектъ обезпечилъ ему популярность, какой не достигли лесбосскіе поэты, стоявшіе несравненно выше его.

Между тѣмъ музыка и поэзія завоевали новую область. Искусственная композиція начала, конечно, съ одноголоснаго мотива; теперь она достаточно окрѣпла, чтобы перейти къ хоровой пѣснѣ. Это движеніе также началось въ Спартѣ, гдѣ на празднествѣ гимнопедій издавна выступали хоры мальчиковъ и дѣвочекъ. Ѳалетъ изъ Гортины, Ксенодамъ изъ Киѳеры и Ксенокритъ изъ италійскихъ Локръ сочиняли и клали на музыку новые тексты для этихъ представленій.

Своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ хоровая лирика обязана Алкману изъ спартанской области Месои, жившему въ первой половинѣ VI в. Его слава основывается, главнымъ образомъ, композиціяхъ для дѣвичьихъ хоровъ /"Парѳеніи"/. Онъ также вполнѣ свободенъ отъ традиціоннаго эпическаго слога и обнаруживаетъ уже наклонность къ дѣленію пьесъ строфу, антистрофу и эподъ, которое потомъ сдѣлалось господствующимъ въ греческой хоровой лирикѣ. Содержаніемъ этихъ пьесъ служитъ, прежде всего, прославленіе боговъ, а затѣмъ изображеніе чувствъ, возбуждаемыхъ въ зрителяхъ видомъ самого хора. Дѣйствительно, праздничный хороводъ красивѣйшихъ дѣвушекъ "обильной красавицами" Спарты пред-

ставлялъ, вѣроятно, несравненное зрѣлище; естественно, что Алкманъ въ восторженныхъ пѣсняхъ прославлялъ предводительницъ своихъ хоровъ, Агидо и Мегалострату. Его справедливо причисляли позже къ основателямъ эротической лирики.

Съ незапамятныхъ временъ народъ на празднествахъ Діониса пѣлъ пѣсни въ честь этого бога; уже Архилохъ называетъ себя искуснымъ въ такихъ пѣснопѣніяхъ. Эта одноголосая пѣснь была позже замѣнена хоровою, при чемъ соучастники являлись въ видѣ сатировъ, одѣтыми въ козлиныя шкуры. По преданію, этимъ "диѳирамбамъ", какъ они назывались, впервые придалъ художественную форму поэтъ Аріонъ изъ Меѳимны на Лесбосѣ, жившій въ Коринѳѣ при Періандрѣ /около 600 г./. Эта поэтическая форма имѣла огромное значеніе для дальнѣйшаго развитія греческой поэзіи. Но важнѣйшій видъ хоровой лирики возникъ въ Сициліи. Здѣсь, около половины VI в., уроженецъ Гимеры Стесихоръ задался мыслью оживить умирающій эпосъ, и съ этою цѣлью замѣнилъ декламацію рапсода хоровой пѣснью и, сообразно съ этимъ, гексаметръ - сложными дактило-трохеическими ритмами. Сюжетами для своихъ стихотвореній онъ бралъ обыкновенно, согласно характеру времени, не битвы и приключенія, а описанія празднествъ и эротическіе миѳы; въ одной изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ поэмъ, въ Геріонидѣ, Стесихор

Извлеченіе изъ "Исторіи Греціи" Белоха.
Приложеніе къ лекціямъ. Листъ 7-ой.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

разсказывалъ о странахъ дальняго запада, которыя сдѣлались доступны грекамъ благодаря открытіямъ послѣдняго столѣтія. Лирика Стесихора скоро пріобрѣла большую извѣстность; она имѣла сильное вліяніе на поэзію Симонида и Пиндара и на хоръ трагедіи. На своей собственной сицилійско-италійской родинѣ Стесихоръ нашелъ подражателя въ лицѣ Ивика изъ Регія, который во времена Поликрата /около 550 г./ переселился на греческій востокъ и долго жилъ при дворѣ этого тирана. Его хоровыя пѣсни воспѣваютъ большею частью хвалу красивымъ мальчикамъ и исполнялись, повидимому, хорами мальчиковъ; такимъ образомъ, онѣ въ извѣстномъ смыслѣ составляютъ контрастъ съ Парѳеніями Алкмана.

--ooOoo--

